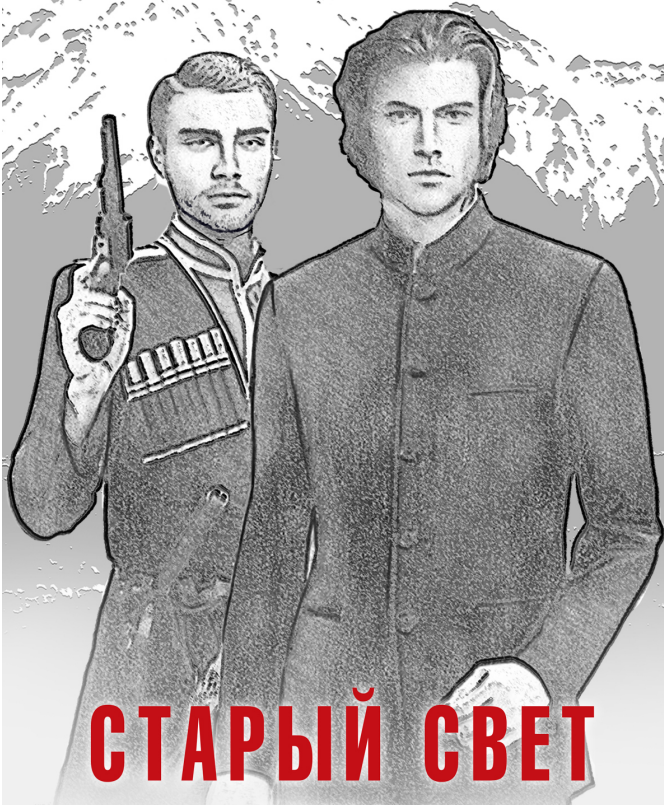

Евгений Капба

ФЛИГЕЛЬ-АДЬЮТАНТ

СТАРЫЙ СВЕТ

ИДДК

КНИГА 4

Евгений Адгурович Капба
Старый Свет. Книга
4. Флигель-Адъютант
Серия «Старый Свет», книга 4

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69918559

*Евгений Капба. Старый Свет. Книга четвёртая. Флигель-Адъютант:
ИДДК;*

Аннотация

«Флигель-Адъютант» – фантастический роман Евгения Капбы, четвертая книга цикла «Старый Свет», жанр альтернативная история, стимпанк, исторические приключения.

Возвращение на Родину состоялось, награды нашли героя, и свадьба вот-вот – но отчего так беспокойно на сердце? Может быть, дело в том самом юноше со взором светлым, который стал названным младшим братом? На его плечах – ответственность за судьбы миллионов людей, он – один из самых могущественных людей Старого Света, но это не отменяет одного простого факта: ему нет еще и двадцати, а в таком возрасте променять полцарства на прекрасную принцессу – это только вопрос времени. Но – Его Высочество регент не дремлет – один Иван-Царевич на поиски счастья никоим образом отправиться не может. У всякого

Ивана-Царевича должен быть свой Серый Волк. Ну или волк, облаченный в старое пехотное хаки...

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	61
Глава 6	75
Глава 7	89
Глава 8	102
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Евгений Капба
Старый Свет.
Книга четвёртая.
Флигель-Адъютант

© Капба Евгений

© ИДДК

Часть первая

Глава 1

Ваше превосходительство

Памяти Александра Беляева

Просыпаться не хотелось, но настырный лучик летнего солнца, отражённый от окон соседней высотки, лез в глаза и настаивал, что с меня хватит утренней дремоты. Заслонившись от него рукой, осторожно потянулся всем телом и подивился ощущению необыкновенной бодрости. У меня ничего не болело, я чувствовал себя отдохнувшим впервые за сколько месяцев? Или лет?

И Лиза, Лизонька... Я вдохнул воздух, пахнувший её парфюмом, и снова зажмурился – вот оно, счастье! Мы только вчера обручились в маленькой церквушке на окраине и теперь официально были женихом и невестой. Вечером отправились праздновать в «Прокоп», а потом было арелатское игристое вино и вальс, и скрипки, и мы целовались в экипаже, и... И теперь она лежала рядом, пшеничного цвета локоны были разбросаны по подушке, руки свободно раскинулись в стороны, а одеяло, сбившись, открывало замечательный вид

на её изящные ножки.

Я уже протянул руку, чтобы прикоснуться к их бархатной коже, но был самым бесцеремонным образом прерван. Из прихожей раздался решительный, даже агрессивный стук во входную дверь.

Тук! Тук! Тук! Так стучат те, кто абсолютно уверен, что время и внимание других людей полностью в их распоряжении. Претендовать на моё время и моё внимание могло крайне ограниченное число личностей, и увидеть кого-то из них здесь и сейчас было бы настоящей фантастикой. Поэтому я спустил босые ноги на пол, нашарил на тумбочке револьвер и взвёл курок.

Теперь я не чувствовал себя голым, хотя из одежды на мне и были одни полукальсоны. С оружием в руках шагнул к двери, замер у косяка и спросил:

– Кто?

– Его императорского величества канцелярия! Откройте, именем императора!

С таким у нас не шутят даже самые отороженные души-губы.

Такие визитёры, и я в полукальсонах? Отменно! Только к двери в спальню метнулся закрыть, там ведь Лиза. Двух фельдъегерей с полными руками каких-то вещей я так и встретил – почёсывая утреннюю щетину дулом револьвера и зябко переступая с ноги на ногу.

– Ваше превосходительство? – недоверчиво спросил один

из них, совсем юноша, оглядывая мои стати и весьма скромный наряд.

– Какое ещё превосходительство, господа? – удивился я. – Может, квартирой ошиблись? Конфуз вышел?

– Да нет-с, всё чётко написано, вот. – Старший фельдъегерь протянул конверт, где я увидел адрес этой самой съёмной столичной квартиры, и что это именно мне лично в руки. – Это ведь вы-с?

Дождавшись кивка, служивые расслабились:

– Выходит, вы. Никакой ошибки-с. Вот, значит, распишитесь о получении. Парадный мундир-с – одна штука, коробка малоформатная – одна штука, конверт бумажный – две штуки. И приглашение во дворец, сегодня-с, к двенадцати ноль-ноль. Машина за вами заедет, ваше превосходительство.

Мне сунули в руки матерчатый чехол, внутри которого, видимо, находился мундир на вешалке, коробку, конверты и приглашение, козырнули, и дверь захлопнулась. Ещё бы, фельдъегерская служба – она такая, вечно куда-то торопятся!

Паркет охлаждал босые ступни, поэтому я сгрузил посылки на диванчик и отправился искать тапки.

Лиза вышла из спальни, мило зевая и грациозно потягиваясь. Растрёпанные волосы, шёлковый невесомый пеньюар, который ничего-ничего не скрывал, и удивлённый взгляд этих невероятных васильковых глаз – у меня дыхание перехватило, если честно. А она привстала на цыпочки, сделала

несколько балетных движений для разминки, и только потом заметила меня, сидящего в кресле, всё ещё в одних полукальсонах, с револьвером в руке, но зато в тапках.

– Так! – сказала любимая и наморщила носик. – Я что-то пропустила?

Пришлось показать дулом револьвера на белоснежный лейб-гвардейский мундир с полковничьими эполетами, который висел на крючке у двери. На нём было тесно от наград, и если полный бант Серебряных крестов понять ещё можно, то остальной иконостас как-то смущал. Тут имелась медаль Дружбы – ею награждают дипломатов, и орден Миротворца – кажется, для экспедиционных корпусов и дальней разведки, и даже натальский Крест Конгрегации. И сопроводительные документы на каждую награду имелись в наличии – плотная пачка бумаг лежала в одном из конвертов.

– Ты выходишь замуж за лейб-гвардии полковника, – несколько растерянным голосом проговорил я.

Лиза широко открыла глаза и спросила:

– Это разве плохо?

– Просто ужасно, – ответил я и, как выяснилось позже, оказался совершенно прав.

* * *

Я успел умыться, побриться и выпить кофе с вкуснейшими тостами, которые приготовила Лизавета. Ну, знаете,

квадратики пшеничного хлеба, сердцевина вынута, на её месте яйцо, и всё это поджарено на деревенском сливочном масле. Настоящее блаженство.

– Мне пора в клинику, – сказала она, вытирая руки о полотенце и снимая передник. – Обещала подменить Веру Павловну после обеда. Если что, звони в ординаторскую, номера ты знаешь.

Голос у неё был тревожным. Всё-таки приглашения во дворец каждый день не приходят. И сюрпризы в виде полковничьих мундиров и десятка орденов – тоже.

– Я тебя заберу, – постарался сказать как можно более уверенно. – Поедем в синематограф, на Преторианский проспект, там сипангскую комедию показывают, Чарли Спенсер в главной роли. Маленький бродяга опять в деле!

Обняв её, я, кажется, через ткань платья чувствовал стройное тело, и мне вовсе не хотелось её отпускать.

– О-о-о-о, Спенсер! Обязательно пойдём! – закатила Лиза глаза и шутливо оттолкнула меня. – Всё, давай тебя одевать. Не терпится посмотреть на настоящего полковника!

И быстро поцеловала меня, едва дотронувшись губами до моих губ, а потом вывернулась и занялась мундиром.

Мне и тридцати-то нет, а тут полковник! Это сколько очередных или внеочередных званий накапало, пока я мотался по Южному континенту и Сипанге? И на всё есть патенты, за подписью императора. А ещё гербовая бумага об удовлетворении ходатайства о зачислении в лейб-гвардию. За

меня ручались Артур Николаевич, князь Тревельян, некий Марк Вознесенский, лейб-акустик, и ещё с десятков фамилий, о которых я и понятия не имел. «Быть по сему» – виднелась крупная надпись каллиграфическим почерком императора поперёк листа.

– Аж страшно! – сказала Лизавета, отступив на шаг от меня, оглядела с ног до головы и прижала ладошки к щекам. – Это как меня угораздило такого видного мужчину заполучить? Вот поедешь во дворец, найдёшь себе там фрейлину какую-нибудь, и что я буду делать?

– Ну какую фрейлину, Лизонька? – беспомощно развёл я руками.

Во всём этом белоснежно-золотом великолепии я чувствовал себя полным кретином. Ей-богу, даже смокинг и штилеты надел бы с меньшими душевными терзаниями. Но стоило признать – сидел мундир великолепно! И ткань была приятная.

– Всё, ты должен пообещать, что в больницу за мной приедешь вот такой вот! – заявила она. – Мы должны выгулять обновку! А я с собой платье возьму, красное. И там переоденусь.

– Ну, раз красное... – Она в нём правда была очень хороша!

Не удержавшись, снова притянул Лизу к себе и поцеловал, а она и не думала отстраняться, обвив мою шею руками.

На улице загудел клаксон. С сожалением оторвавшись от

девушки, отдёрнул шторы. Глянув в окно, я увидел чёрный автомобиль с императорскими вензелями на дверцах. Пристегнул портупею с шашкой и посмотрел на револьвер – брать или не брать? Лиза только головой покачала:

– Знаешь, кто самый любимый параноик на свете? Угадай с одного раза, – поцеловала меня в щёку. – Колючий! Почему меня не попросил помочь с бритьём?

– Если у вас паранойя, это не значит, что за вами не следят. Всё, госпожа Валевская, разрешите откланяться. – Я щёлкнул каблуками, церемонно склонил голову.

Она сделала книксен:

– Ваше превосходительство... – а потом спохватилась: – А почему превосходительство? Это же генералы превосходительство? Да и вообще, нынче же говорят «господин полковник», а не «превосходительство», не старый же режим!

– Не знаю, может, у них там при дворе такое консервативное фронтёрство в моде? И в лейб-гвардии, кажется, чины считаются на ступеньку выше. То есть по пехотным меркам я получаюсь генерал-поручик.

– О Господи! – Лиза нервно хихикнула. – Опять поручик!

Я глянул на неё и хихикнул в ответ. Из поручиков в генерал-поручики. Паноптикум!

* * *

Дверь в машину предупредительно открыл седой усатый

унтер-офицер в черной преторианской форме.

– А можно сесть вперёд, рядом с вами? – спросил я.

Он удивлённо посмотрел на мои погоны, а потом кивнул:

– Как вам угодно, ваше...

– Да бросьте. Я вот это всё сегодня в первый раз надел.

Засыпал поручиком, проснулся полковником. Два года в империи не был.

– А-а-а-а! – облегчённо выдохнул он. – Так ты из тех, кто защищает рубежи родины на дальних подступах? Садись, братко! То-то я смотрю, ты такой загорелый, не по-нашему, не по-аркаимски. Острова пряностей? Ацтлан?

– Наталь! – откликнулся я.

Преторианец завёл машину и потихоньку вырулил на дорогу. Я успел посмотреть на окна доходного дома, где снимал квартиру: Лиза стояла там, смотрела вслед – провожала.

– Эх, а меня не пустили! А я дважды писал рапорт... – сетовал седой вояка. А потом вдруг запел: – Наталь, Наталь, страна моя, ты вся горишь в огне-е-е... Веришь, нет, я бы этих федералистов зубами рвал. Такие же сволочи, как и наши лоялисты. Как на рожу ихнего Грэя в газете посмотрю, всегда плюнуть хочется. Какой-то он слащавый, аж приторный.

Я-то знал, что Грэй не был ни слащавым, ни приторным. Свирепый, матёрый хищник, вот он кто. Но говорить водителю ничего не стал.

Автомобили, трамваи, экипажи, повозки – движение в

столице было сумасшедшим. Стольный град наконец окончательно переименовали, вернув ему исконное имя Аркаим. Первый император триста лет назад первым положил традицию менять названия городов, дав новое имя старой столице в честь своего небесного покровителя, но на тевтонский манер. Это послужило причиной переименования города во время Великой войны – мол, негоже, воюя с тевтонами, иметь столицу, названную по-тевтонски. Потом её переименовывали лоялисты – два раза, в честь своих вожаков, которые в тот момент находились у руля. Один только Новодворский от такой чести отказался, так что Новодворском столица побывать не успела.

Когда мегаполис перешёл под контроль войск, верных регенту, переименовывать её не стали, просто обходя этот тонкий момент в любых официальных документах, прессе и на радио. Столица и столица. И вот, пока я носился по вельду и бороздил океаны, Аркаим снова стал Аркаимом. Ну, пусть так, только бы не звучали больше на улицах выстрелы, не слышался рёв озверевшей толпы и не звенели разбитые стёкла.

– Похорошел город при императоре, а? – комментировал дорогу унтер. – Улицы асфальтом заливать стали, освещение кругом электрическое, в домах отопление, горячая вода! Школ новых сколько! А больница на Синичкиных горах чисто сказочный терем! Деревьев молоденьких сколько посадили – любо-дорого смотреть, глядите, как зеленеют, ду-

ша радуется! Памятники старые вон тоже восстановили – ну, те, которым синие бошки откручивали и свои ставили. Теперь Железный всадник на человека стал похож, снова первый император нам путь указывает, а не козлобородый гад!

Привычка лоялистских эмиссаров увековечивать себя при жизни и называть своими именами улицы, города и веси и мне всегда казалась довольно странной. Чёрт его знает, может, потому у них ни черта и не получилось – из-за раздутого самомнения? Ну, и потому, что мы хорошо воевали, конечно, тоже.

На дворцовую площадь автомобиль въехал, шелестя шинами по брусчатке. Водитель опустил окно и кивнул дворцовой охране. Бравые усачи-преторианцы наскоро проверили днище, заглянули в салон, с удивлением обнаружив меня на переднем сиденье. Нам пришлось выйти – всё-таки они должны были проверить наши личности и провести осмотр вещей.

– Кузьма? – неверяще спросил я одного из караульных, вглядываясь в его лицо.

– Ва-а-аше... благо... превосходительство? Ну, поздравляю! – Удалой вояка сверкал белыми зубами и щурил глаза.

Я не выдержал, шагнул ему навстречу, и мы обнялись. Чёрт знает, сколько не виделись, добирались из Наталя разными путями-дорожками. Приятно было видеть его живым и здоровым, да ещё и в дворцовой охране.

– Да и ты, я смотрю, на месте не стоишь. Вольноопреде-

ляющийся?

– А то! – Геройский преторианец явно гордился нашивками. – Через десять дней подпоручика присвоят!

– Теперь уже я тебя буду благомордием называть, так и знай! – ухмыльнулся я, вспоминая, как он изгалялся надо мной в Сан-Риоле.

– Ну, вы-то сквордие очень удачно проскочили, не дали мне потешиться! Цельный полковник, ну надо же! Большая шишка!

– Хо-хо.

– Ха-ха!

Вот за это меня начальство родной бригады терпеть не могло – за фамильярность с подчинёнными. Подрывал, понимаете ли, многовековые устои, нарушал субординацию, позорил честь мундира. В башибузуки мне прямая дорога, а не в лейб-гвардию. Интересно, какого размера стали бы глаза у полковника Бероева, если бы он сейчас увидел меня в полном облачении?

Мы тепло расстались с Кузьмой, договорившись ещё увидеться, и я оставил их трепаться с водителем, рассказывать о наших совместных подвигах, реальных и выдуманных.

По мраморным ступеням дворца я шёл уже в приподнятом настроении – всё-таки преторианцы в массе своей были мужиками хорошими, правильными. На их штыках и установил свою власть регент, незабвенный Артур наш Николаевич, и с их помощью стал потихоньку собирать осколки, а по-

том и мы, хаки, подтянулись. Каждый раз, общаясь с этими неуёмными пассионариями в чёрных мундирах, я как будто заряжался их безграничной, плещущей через край энергией, настраивался на нужный лад. Воевать или работать – и то, и другое преторианцы делали с полной самоотдачей! Они были настоящими имперцами и настоящими воинами, а я... А я вот теперь настоящий полковник.

– Ваше превосходительство? – козырнул мне лейб-гвардеец в таком же, как у меня, мундире, но с капитанскими погонами. – Его величество ожидает. Прошу за мной.

Сердце застучало чаще – всё-таки к императору! Я его не видел с тех пор, как мы расстались тогда, у тех самых мраморных ступеней, по которым толпа солдат внесла его во дворец. Мы шли, минуя рабочие кабинеты и роскошные залы, посты придворной охраны и галереи, полные изысканных произведений искусства, скульптур, картин, гобеленов. И общество, те самые придворные. Они были повсюду. Общались, куда-то торопились, о чём-то спорили – генералы, высокие чины в вицмундирах, какие-то дамы в шикарных платьях. Я мог только завидовать отличной выправке лейб-гвардейца, его идеальной осанке и безупречным манерам. Для него вся эта помпезная обстановка и высокое общество были делом привычным.

С неожиданной для себя злостью я подумал о том, что вроде как всю эту великосветскую камарилью вывели ещё лоялисты. Откуда она снова повылезала? Но анфилада рос-

кошных комнат внезапно закончилась, и капитан в белом мундире остановился.

– Вам туда, – указал он в сторону от огромной белой двери с позолотой, куда-то за бархатную зелёную портьеру.

В голову пришла дурацкая мысль: на фоне этой самой белизны и позолоты мундир лейб-гвардейца представлял собой отличный камуфляж! Но Бог с ней, с позолотой. Там, за зелёной тканью, виднелась небольшая дверца – деревянная, скромная. Взявшись за простую медную ручку, я толкнул дверь вперёд. Она подалась, и спустя секунду я оказался в странной комнатке, полной какой-то аппаратуры, книг и справочников, приборов, проводов и деталей. Контраст с роскошью и богатством остального дворца был просто разительным!

За заваленным бумагами, винтиками и какими-то металлическими штучками столом в наушниках сидел император и увлечённо отстукивал что-то радиоключом. Его каштановая шевелюра была растрёпана, взгляд смотрел в одну точку – его величество был полностью сосредоточен. Наконец он закончил и откинулся на спинке стула, сняв наушники и бросив их на стол, а потом увидел меня:

– Господи Боже! Вы! Ну наконец-то!

Глава 2

Любовь и радио

– Если я хоть что-нибудь понял за эти два года царствования, так это то, что для такой страны, как империя, самое главное связь, транспорт и коммуникация! Если б мой дед не вложил все деньги от золотодобычи в строительство железных дорог, страна распалась бы сорок лет назад. Если сейчас я не вложу деньги от добычи нефти в налаживание радиосвязи и радиовещания, в строительство заводов радиоэлектроники – империя рухнет через пять лет. Всё зависит от скорости реакции на возникшую проблему. Такое уж мне досталось наследие от великих предков. У нас в империи есть только одна пословица про инициативу, и та имеет похабный смысл. – Император невесело хохотнул и продолжил: – Иерархия и дисциплина – вот что помогло нам выстоять в извечных битвах с кочевниками на юге, тевтонами и кимврами на севере. Наше общество подобно пирамиде – это не хорошо и не плохо, это факт! И все смотрят вверх: какое указание придёт, что нужно делать? А как делать, с этим-то уж разберутся, выкрутятся, наш народ смекалистый и способный! И так уж вышло, на вершине этой пирамиды нахожусь я. И конечное решение, куда идти и что делать, приходится принимать тоже мне. Значит, я должен максимально быстро узнать о проблеме и так же быстро на неё среагировать и

определить, кому именно стоит ею заняться и какие ресурсы для этого потребуются. И у губернаторов, и у мэров должна быть такая возможность – быстро узнавать о проблеме, принимать решение и направлять ресурсы. Значит, радио, телефоны, самолёты, дирижабли, шоссейные дороги, мощные моторы для автомобилей, новые шины, лёгкие сплавы...

Император ходил по комнатке, делая четыре шага в одну сторону и четыре в другую. И говорил довольно разумные вещи. Не каждой стране достаётся такой молодой перспективный правитель! Определённо, стране повезло с императором. Правда, казалось, что все эти разговоры лишь для того, чтобы он мог собраться с духом и вывалить на меня всё как есть. Настоящую причину моего появления тут, в этом дурацком мундире и с иконостасом на груди.

– А система образования? – спросил я, чтобы поддержать беседу.

– Конечно, деньги на ремесленные колледжи и технологические институты мы будем включать в бюджет! В каждой провинции должен быть институт, в каждом округе колледж! Нам нужно массовое техническое образование.

– Это всё прекрасно, ваше величество, но как насчёт того, чтобы воспитать инициативных людей? Изменить подход к обучению, сделать его более творческим, больше внимания уделять экспериментам, сочинениям и опытам, а не заучиванию и зубуриванию? Меньше муштры – больше инициативы, особенно для гимназистов и лицейистов! В начальных

классах прививать дисциплину, в старших развивать самостоятельность и критичность мышления.

– Но... – нахмурился император, а потом лицо его разгладилось. – Продолжайте! Это любопытно.

– Инициативные творческие личности, и при этом обязательные и ответственные, вот что должно стать целью системы образования к выпуску из учебного заведения. А не узкий специалист, который ничего не знает и не видит, кроме верстака, радиоточки или днища автомобиля. Тогда лет через двадцать наша пирамида...

– Рухнет? Превратится во множество маленьких пирамидок?

– Станет самоподдерживающейся конструкцией, состоящей из множества прочных элементов. И ваша работа, как императора, будет заключаться не в том, чтобы лично решать вопрос с лесными пожарами на Янге, а в арбитраже между ведомствами и службами, которые кинутся исправлять проблему самостоятельно. – Я снял фуражку и вытер лоб, а потом расстегнул верхнюю пуговицу на мундире. – Вам останется только наградить непричастных и покарать невиновных.

Понесло меня куда-то не в ту степь. Вздумал учить императора? Совсем кретин. Ну да это ещё полбеды, дело-то тут гораздо серьезнее. Утешало одно – в ответ на мою неуклюжую шутку он всё-таки усмехнулся.

– Вы же не о радио меня поговорить позвали, ваше вели-

чество. И не про систему образования. И висюльки все эти, и звания, которые посыпались на меня как из рога изобилия, неспроста. Что-то ведь случилось?

Император сник. Он просто рухнул на стул, надел наушники, снял их, потом снова надел. Его величество теперь был похож на обычного юношу, которого всё доконало.

– Ну почему же не про радио? Это свобода, – сказал он и обвёл рукой радиоаппаратуру. – Только так я могу общаться как хочу и с кем хочу. Все эти кавалеры, дамы, приёмы, бумаги, совещания, конференции и заседания... Меня уже тошнит, понимаете? Я бы лучше в Варзугу вернулся, на скрипке играть... Мог бы, по крайней мере, сам собой распоряжаться. Теперь все пытаются выстроить со мной отношения с точки зрения того, что я император. Всем плевать на то, кто я есть, какой я есть. А вот тут не плевать. Тут моего лица не видно, даже голоса не слышно. Поговорить можно по душам, пусть и морзянкой. Знаете, сколько в мире радиолюбителей? Тысячи!

Я кое-что начал понимать и потому спросил:

– И много среди радиолюбителей девушек?

Мы ведь всё это время говорили именно о девушках.

Его величество глубоко вздохнул:

– Потому я вас и позвал. Мне нужен надёжный человек рядом, человек со стороны, понимаете? Слушайте, вы меня с того света один раз вытащили, фактически возвели на престол и ничего взамен не потребовали. И вот я опять вас про-

шу: помогите, а?

Когда повелитель одной из самой могущественных держав мира смотрит прямо в душу глазами отчаявшегося юноши, от этого мороз по коже. Ему беспрекословно подчиняется огромная, закалённая в боях армия. В его распоряжении неисчислимы финансовые средства. Он может консультироваться у самых титулованных учёных и самых лучших специалистов, но просит о помощи меня. Кто я такой, в конце концов?

Есть только одна-единственная штука в мире, с которой не помогут ни штыки, ни деньги и власть, ни высочайший интеллект:

– Ваше величество, вы что, влюбились?

Он спрятал лицо в ладони. А я ещё раз глянул на всю обстановку этой маленькой комнаты, спрятанной в огромном роскошном дворце, и спросил снова:

– Влюбились по радио? По переписке? – Мне нужно было это объяснить хотя бы самому себе.

Самым логичным сравнением казалось то, как фронтовики или заключённые находят себе жён с помощью почты – переписываются месяцами, а потом встречаются и порой создают крепкие любящие семьи. Я лично знал несколько таких. По крайней мере, так всё это в моей голове более-менее укладывалось. Потому как романтика по радио с помощью морзянки... В страшную эпоху живём! Но, с другой стороны, телеграмма или радиограмма – это то же письмо, только

доходит гораздо быстрее, так что в целом представить себе подобное было можно.

– И вы меня не осуждаете? – спросил он.

– С чего бы мне вас осуждать? Что может быть естественнее для молодого человека, чем влюбиться в понимающую девушку, которая готова его слушать? В ту, которая разделяет его интересы, обладает широким кругозором, незаурядным умом, твёрдым характером и определённым положением в обществе.

– Как это у вас получилось? – Его удивление было неподдельным. – Вы так точно её описали!

Простодушный император? Или это только в одном конкретном случае?

– А какой ещё может быть девушка, увлекающаяся радио? Это удовольствие явно не для дурочек-мещанок или дам полусвета. Знаете, или вас обманывает какой-нибудь старый радист-извращенец, который притворяется женщиной, или она и вправду неординарная личность.

Его лицо изменилось, он даже побледнел, представив такой вариант, а потом взял себя в руки и заговорил прерывистым голосом:

– Мы с ней поклялись друг другу говорить только правду или не говорить вовсе. Она совсем юная, моложе меня – ей недавно исполнилось восемнадцать. Замуж её пока выдавать не собираются, какие-то семейные сложности. Но дело не только в этом – сейчас у неё серьёзные проблемы. Ей

угрожает опасность. И я не могу этого просто так оставить, понимаете? Она единственная в мире может... Только ради неё я... Понимаете? – снова повторил он.

Я закрыл глаза, и перед моим внутренним взором тут же появилась Лиза.

– Понимаю, – вздохнул я.

– Так вы поможете?

– Всё что угодно, ваше императорское величество.

А что я ещё мог сказать?

* * *

Одним росчерком пера в монаршей руке я оказался в чине флигель-адъютанта, то есть теперь имел право и был обязан находиться подле императора. Карьерный рост! Полковник, лейб-гвардеец, флигель-адъютант... Для чего-то это было нужно, и тянущее чувство в груди подсказывало: впереди далёкая дорога.

Я шагал по коридорам дворца, пытаюсь не потеряться в поисках канцелярии – нужно было отдать туда, в архив, указ его величества о назначении меня, грешного, в ближнюю свиту. Задумавшись, едва не упустил момент, когда некто резкий и мощный ухватил меня самым бесцеремонным образом и утащил в тёмную комнату с наглухо завешанными окнами.

– Теряешь хватку! – сказал Феликс и довольно оскалил-

ся. – Как я тебя похитил, а?

– Это ты теряешь хватку, Карский. – Я достал из кармана револьвер, который всё это время был направлен ему в пузо. – Не узнай я тебя спустя секунду, продырявил бы в шести местах.

– У-у-у-у, благодать, нахватался уголовных приёмчиков. И что, метко получается через карман стрелять?

– А какая разница, если в упор? Мундир было бы жалко только.

– Ладно, ладно. С хваткой у тебя всё в порядке. Теперь слушай, что происходит, и никому ни слова о нашем разговоре, даже императору, смекаешь?

– Если он спросит напрямую, я не смогу соврать. – Тут пришлось быть категоричным.

Феликс меня прекрасно понял. Все представители правящей династии в большей или меньшей степени обладали умением выворачивать человека наизнанку и заставлять говорить правду.

– Ну, так не ври, недоговаривай! Мне тебя что, учить? Как дитё малое, правду мне Арис про тебя говорил, инфантильный временами какой-то. Сколько у нас времени?

– Полчаса примерно, если покажешь, где ваша дурацкая канцелярия. – На «инфантильного» я не обиделся.

– Она не моя, она его императорского величества! – хохотнул Феликс. – И вообще, там не канцелярия, там цирк-шапито. Который уехал, а клоуны остались. Сам посмотришь.

А пока слушай.

Мы уселись на покрытый белым полотном диван. Карский закурил и начал рассказывать.

По всему выходило – император вознамерился удрать. Ну, не насовсем, понятное дело. Он всё-таки юноша ответственный, так, на полгода примерно. И загодя для этого всё подготовил. Под предлогом объезда пределов империи с целью ознакомления с насущными проблемами подданных подписал все документы – кому и какие полномочия на эти шесть месяцев переходят, кто будет входить в регентский совет, во главе с Артуром Николаевичем Крестовским, конечно, а кто заменит его величество на посту верховного главнокомандующего.

Как выяснилось из речи Феликса, для всего высшего света и даже для тайного совета, который руководил империей во времена регентства, деятельность и интеллект молодого хозяина страны стали настоящим сюрпризом. Они-то рассчитывали получить символ, икону, наличие которой стабилизировало бы общество, а получили настоящего правителя! Ну да, молодого. Но почти гениального! У него была абсолютная память, потрясающие математические способности, умение работать с огромными объёмами информации и желание разобраться в каждой мелочи. Не хватало житейского опыта и общения со сверстниками – тут, как могла, помогала лейб-гвардия, но... Но Артур Николаевич идею поездки по городам и весям империи поддержал именно в этом ключе.

Правитель должен видеть результаты своих действий и своего бездействия. Да и вообще, хозяину империи нужен был отдых. А лучший отдых – это смена обстановки.

– Император задолбался, – сказал Карский. – Эмоциональное выгорание.

Ещё бы! Возглавить великую державу в семнадцать, как-во? А потом несколько лет вкалывать как проклятый, разгребая последствия двух войн и двух революций. И вот теперь он нашёл себе отдушину, эту неведомую радионимфу. Конечно, конторские слушали и перехватывали их переговоры, прекрасно зная, что её зовут Ясмин, и она из Шемахани. То ли придворная дама, то ли дочь какого-то знатного вельможи. Проблема была в том, что имя Ясмин в тех краях было очень распространённым среди знати, а нормальной резидентуры в этом прекрасном южном городе на берегу живописного озера не имелось, и выяснить, кто именно держит в доме передатчик такой мощности, чтобы общаться со столицей империи, пока возможным не представлялось.

Вот так – в Федерации и Натале от имперцев было не протолкнуться, а тут, в нескольких тысячах километров от Аркаима, слепое пятно. Не интересовала никого Шемахань. Дыра дырой. Фрукты, рыба, овцы, варёный рис и войны с башибузуками. Ничего интересного.

– Ты же тоже шемаханец, да? – спросил меня Феликс.

– Вообще-то эвксинец, – скривился я. – Не заставляй меня сомневаться в профессионализме твоей конторы в общем и

твоём в частности.

– Один хрен из тех краёв! – отмахнулся разведчик. – Тебе проще будет освоиться.

– Эвксина на двести километров севернее Шемахани и на берегу моря, а не озера. И говорят у нас по-имперски, и вера та же самая, что в Аркаиме.

Ох уж этот великодержавный латентный шовинизм. Эвксинцы, шемаханцы, башибузуки – какая разница? Всё где-то там, на юге, где горы, море, солнце и хурма стоит дешевле картофеля.

– И вообще, что значит освоиться? – опомнился я. – Не собираюсь я нигде осваиваться!

Феликс ухватил себя двумя пальцами за переносицу и сделал страдальческий вид:

– А ты ещё ничего не понял? Его величество попросит тебя сбежать вместе с ним. Он тебе доверяет, именно с тобой он совершил своё единственное настоящее большое путешествие из Варзуги в Столи... то есть в Аркаим!

– А я...

– А ты согласишься. Знаешь такое – если бунт нельзя предотвратить, его нужно возглавить? Вот мы и возглавляем. Документы, деньги, одежда, снаряжение, оружие, это всё здесь, – он похлопал по дивану. – Потом ночью сюда прокрадётесь, поднимете сиденье – всё внутри. Скажешь, твои друзья подготовили. И не враньём будет, кстати. Оформим тебя по старинке, через ИГО и «Подорожник». Будешь учё-

ным-этнографом с ассистентом. Прошвырнетесь до Шемахани, оглядитесь. Мы прикроем, не сомневайся, будем неподалёку. Держи блокнот, тут маршрут.

– Адреса, пароли, явки? Всё, чтобы мальчик почувствовал себя настоящим героем и бунтарём, но не пострадал? – С одной стороны я их понимал и даже поддерживал, а с другой мне было противно.

– Точно! Ну, и если честно, мы тут судили-рядили и решили, что всё равно никого лучше тебя не нашли бы ему в попутчики.

– Мы – это Арис, ты и Артур Николаевич?

Феликс сделал неопределённый жест рукой. Я подозревал, что он стал большой шишкой в разведке, но вот какой именно пост занимал и где были границы его сферы ответственности – это было тайной, раскапывать которую у меня не было ни малейшего желания. Достаточно того, что Карский имел право принимать подобные решения.

– Какие у нас сроки? – Я отмахнулся от табачного дыма, которым этот рыцарь плаща и кинжала дышал мне прямо в лицо.

– Сроки? Да чё-орт знает, какая блажь в его царственную голову постучится. Тут ведь понимаешь, он вроде как и вундеркинд, а вроде и дитё малое. Анализ, синтез, дедукция, индукция – что угодно, академиков в тупик ставит! Мاستитые юристы и экономисты шляпу снимают. Но зато в бытовых, житейских вопросах полный пр...

– Профан?

– Именно, профан. В общем, побудешь его старшим бра-тишкой, пока не пообвыкнется. Ну и на Ясмину эту посмот-рите. Наследник нужен империи как воздух! Или наследни-ца. А лучше сразу двое или трое. И плевать, кем будет же-на, не старый режим! Главное, чтобы из хорошей семьи, не скомпрометированная. Ну, понимаешь. Если из народа – это прекрасно, демократично. Если дворянка – тоже хорошо, дань традиции.

– Ты как бабка старая, Феликс, – не выдержал я. – Может, ещё свечку им поддержишь?

– Да хоть дедка! Знаешь, – он одной затяжкой докурил си-гарету, затушил о ботинок и сунул окурок в щель дивана, – у меня нервы ни к чёрту. Понимаешь, сейчас, конечно, на величество не так всё завязано, как в первый год, но... Слу-чись что – не поедет ли империя в тартарары? А если мы на-давим на чувство долга и ответственность, и отговорим его – не поедет ли крыша у императора? И снова, не потеряем ли мы тогда империю?

Мне его жалко не было, если честно. Его – в смысле Фе-ликса. Нервы у него, надо же! Барышня кисейная.

– Нужно занести документы в канцелярию, – сказал я. – И если ещё раз ухватишь меня подобным образом, то я тебе точно бок прострелю. У меня тоже нервы ни к чёрту.

– Ладно, пошли. – Он встал, кивнул мне ещё раз на диван, покрытый тканью, и мы вышли в коридор.

Две молоденькие горничные в чёрных платьях и белых передничках, проходившие мимо, удивлённо на нас воззрились, но Карский состроил дикую рожу и шикнул на них. Девушки пискнули и скрылись с глаз долой.

– Эх, где мои семнадцать лет... – тоскливо пробормотал разведчик. – Пойдём изводить канцеляристов.

Глава 3

Украсть императора

Я сидел на кухне и беззвучно смеялся. Это было форменное издевательство!

Не откладывая дела в долгий ящик, наведаясь в ту комнату с диваном сразу же после визита в канцелярию и выгреб тайник подчистую. Оружие, деньги, документы, одежда – всё это было запаковано в отличные брезентовые сумки, удобные и для переноски, и для того, чтобы навьючить их на лошадей, например. Правда, пришлось привлечь к переноске добычи Кузьму – целый полковник, гружёный, как мул, мог вызвать вопросы.

И вот теперь за окном царила непроглядная летняя аркаимская ночь, и я при свете керосиновой лампы разглядывал всё, что приготовили нам государевы люди, и здорово веселился.

Чёрные книжечки паспортов, на обложках которых гордо реяли имперские орлы, и вызвали у меня приступы гомерического хохота. Наверняка виноват был Феликс – кто ещё мог придумать для нас такие дурацкие имена?

Иван Царёв и Сергей Волков! Проходимец Карский явно читал мои «Натальские рассказы», я там тоже проводил параллели с народными сказками. Иван Царевич и Серый Волк, каково? Мерзавец, как есть мерзавец!

Моя фотография была с Южного континента: небритость, загар, отросшие волосы. Ну, точно, скорее всего, кто-то из тамошних агентов, притворявшихся журналистами, снял меня на приёме у архиепископа Стааля по случаю заключения мира. А фото императора, то есть Ивана Ивановича Царёва, было изящно подретушировано. В нём заключался вариант маскировки внешности юного монарха: полубокс вместо роскошной шевелюры, короткая борода вместо идеально выбритого подбородка, слегка неровная, кажется, выстриженная правая бровь. Если ещё и одеть как-нибудь нехарактерно, то никому и в голову не придёт, что этот лихой, хулиганистого вида молодой человек с сумасшедшими глазами является монархом великой страны.

– Ты чего не спишь? – показалась в дверном проёме Лиза. – Я проснулась, а тебя рядом нет. Думала, у тебя опять...

Порой среди ночи я просыпался, обливаясь холодным потом и скрежеща зубами, а сердце билось о рёбра так, будто хотело сбежать к чёрту. В такие ночи мне снились малыши-кафры, марширующие с винтовками в руках по руслу высохшей реки, или игра в морской бой в гавани Сан-Риоля, или оборона приморского городишки под названием Бубырь, или штурм Клёна. Но рядом с Лизонькой такое случилось всё реже и реже.

– Нет, солнце моё, нет. Прости, что напугал, просто...

– Тебя возвращают на службу? – Она подошла, зябко поводя плечами, и вдруг села ко мне на колени, прижалась,

спрятав лицо на груди. – Я думала, война кончилась и мы как в сказке будем жить-поживать да добра наживать.

Я тяжело вздохнул и погладил её по спине, ощущая гладкость кожи сквозь невесомый пеньюар:

– Как в сказке, точно. Только эта сказка не про меня.

– А про кого?

– Про Ивана-царевича, который очень рано стал царём, потому что батюшку его убили злые люди, и матушку тоже, и всех старших сестёр, и братьев-кузенов, и вообще... Некому было больше царём становиться. И он не успел нас совершать подвигов, сразиться со Змеем Горынычем, сходить за тридевять земель в тридесятое царство за тем – не знаю чем. И найти свою Василису Премудрую тоже не успел. И теперь ему очень-очень плохо.

Лиза заглянула мне в глаза:

– Ты о ком сейчас говоришь?

– Вчера меня назначили флигель-адъютантом, – выдохнул я.

– Господи! – Она обняла меня крепко-крепко, а потом спросила: – Ты мне не сказал, чтобы не портить вечер?

Какая она у меня всё-таки... Другая бы от счастья прыгала – как же, суженый теперь полковник и член ближней императорской свиты! А Лиза всё поняла. Таких, как я, за красивые глаза на подобные должности не назначают. Она уже после мундира начала догадываться, сразу утром. Просто не спрашивала, надеялась, что всё образуется.

– И надолго ты уедешь? – Глаза Лизы заблестели. – И скоро?

Я просто не мог выдать из себя нужные и правдивые слова, а потому крепко обнял её и проговорил:

– Сегодня ведь был прекрасный вечер, правда? И у нас ещё будут такие вечера, я тебе обещаю. Нет, я тебе клянусь!

– То есть утром? И сам не знаешь, на сколько? – Любимая вдруг улыбнулась. – Ну, тогда у нас есть время до утра.

Через мгновение я почувствовал вкус её губ, нежные пальцы в моих волосах, ладное, стройное тело близко-близко, и успел пожалеть о том, что утро так скоро.

* * *

Как украсть императора из дворца? Чёрт его знает! Я вообще никогда не был специалистом по кражам. Особенно по похищениям людей. Вся надежда была на то, что во внутреннем флигеле дворца, где раньше располагались покои императрицы и принцесс, теперь идёт ремонт, и этим можно будет воспользоваться. По крайней мере, одна идея у меня имелась.

Во дворец я прибыл чуть ли не на рассвете. Императорские вензеля на погонах прямым текстом говорили охране – это флигель-адъютант его величества. И заходить к государю в любое время дня и ночи – моё священное право. Тем более я был первым человеком, который занял такую специфиче-

скую должность в Новой империи, и придворная камарилья не очень-то понимала, как ко мне относиться и какие танцы вокруг танцевать.

А потому преторианцы козырнули, дежурный лейб-гвардеец у входа в личные покои императора только бровью дёрнул, но ничего не сказал. Наверное, они там в своей лейб-гвардии были не шибко довольны, что их обскакал какой-то провинциальный поручик с мутным пехотным прошлым. Хотя я понятия не имел о том, какие нравы царят в лейб-гвардии. Вознесенский и Тревельян были замечательными людьми, а других ближников его величества я и знать не знал.

– Вставайте, государь, нас ждут великие дела! – сказал я.

– Боже мой, за что? В такую рань! – Император натянул одеяло на голову.

– Кто рано встаёт, тому Бог подаёт! – Продолжая злодействовать, я раздвинул шторы, и яркий свет восходящего солнца ударил хозяину имперских земель в заспанное лицо с разводами от подушки. – Кто до ночи сидел в наушниках и строчил телеграммы?

– И этого человека я приблизил, обласкал и обогрел? Вы подлец, ваше превосходительство! Я немедля кликну охрану, и вас выведут вон и сбросят с Тарпейской скалы как исчадие ада!

Я потихоньку начинал вспоминать, почему мне так понравился этот парень.

– С Тарпейской скалы сбрасывали больных и слабых младенцев, ваше величество, если я не ошибаюсь. Так что с этой инициативой вы запоздали. Моё младенчество пришлось на период, когда вас ещё и в планах не было.

– Ошибаетесь! С Тарпейской скалы как раз сбрасывали тех, кто перечит монарху, а ещё беглых рабов и дезертиров. – Монарший нос показался над одеялом.

– Тогда прыгнем вместе? – усмехнулся я. – Вы всё ещё хотите увидеть свою Ясмину?

Одеяло полетело прочь, император, наряженный в пижаму и с невероятным бардаком на голове, мигом оказался рядом со мной:

– Вы предлагаете побег?

– И немедленно!

Он глянул на меня испытующе, потом кивнул:

– Я весь ваш! Командуйте!

Я скинул китель и принялся шарить за подкладкой и по карманам дорогущего мундира. Благодаря моей Лизе, туда удалось поместить массу полезных вещей! На свет Божий появились два синих комбинезона наподобие тех, какие носят строители, несколько метров прочной верёвки, две пары рабочих перчаток и набор женской косметики.

– Это что ещё такое? – удивился мой подопечный.

– Немедленно в ванную! У вас есть ножницы и бритва?

– Найдутся.

Моя физиономия во дворце ещё не примелькалась, поэто-

му о собственной маскировке я особенно не переживал, а вот над императором поработал основательно: остриг волосы, как на фотографии с паспорта, выбрил часть брови, нанёс на лицо несколько асимметричных полос, как будто работник испачкался чем-то на стройке. Его величество терпел всё это стоически.

– Раздевайтесь! – сказал я. – До исподнего.

Кто заподозрит императора в мускулистом, перепачканном невесть чем молодчике? Пижамные штаны и куртка полетели на пол, его величество подтянул ляжки и глянул на себя в зеркало. Ну чисто маляр-штукатур с окраины! Комбинезон, который теперь являлся единственной одеждой монарха, смотрелся просто великолепно. Он был заляпан краской аккурат так, чтобы не вызвать подозрений, обнажал крепкие руки и плечи государя, привлекая внимание к ним, а не к его лицу.

Не хватало только одной детали.

– У вас есть газета? – спросил я.

– Какая газета?

– Любая.

– «Курьер» подойдёт? – Он сходил за газетой, и я в два счёта соорудил ему головной убор из бумаги – треуголку.

Пока император любовался своим отражением в зеркале, я снял мундир и тоже облачился в комбинезон, оставив только выдавшую виды сорочку. Нет, стесняться мне не приходилось – мои стати были не намного subtilнее импера-

торских. Однако на дворе, конечно, лето, но ветерок нынче холодный, утренний, свежий. На голову повязал цветастый платок, на манер моряков из Сипанги.

– И что теперь? – спросил его величество.

Я молча указал через окно во внутренний двор. Там, вокруг опутанного лесами внутреннего флигеля, уже начинали свою суету строители, разбирая инструмент и готовясь к рабочему дню.

– Стремянка? – удивился император, проследив за моим взглядом. – Зачем нам стремянка? И как мы попадём во двор? Будем спускаться на верёвке через окно?

– Спускаться на верёвке? Какая банальность! Мы поднимемся на крышу! – не удержался от бахвальства я. – Вы знаете, какой диаметр у трубы вашего камина?

* * *

Мы перемазались, как черти, пока лезли вверх по трубе, и это было только к лучшему – наша маскировка становилась совершеннее с каждой секундой, проведённой в дворцовом дымоходе. В зубах я держал конец верёвки, к которой были привязаны сумки с документами и всем прочим, на башку мне то и дело сыпалась сажа, содранная со стен каминной трубы монаршими подошвами и ладонями.

Выбравшись наружу, император протянул мне руку, чем заработал ещё несколько очков в свою пользу.

– Фажмыте ферёфку! – прошамкал я и облегчённо вздохнул, когда он достал из моих зубов изжёванный канат.

Пока его величество вытаскивал из камина сумки, я осматривался. Нерадивый трубочист оставил тут метлу на длинной ручке и металлического ежа на цепочке, так что мы снарядились как положено.

– Когда вы только успели всё это притащить в мою спальню? – удивился император, осматривая наш багаж.

– А это не я, это преторианцы. Поставили в вашей берлоге рядом с книгами и проводами, я сказал только, что это для радиостанции. А уже утром с собой принёс.

– Хм!

Нет, дворец охраняли как положено, существовало несколько уровней проверки и три или четыре рубежа обороны. Но не для лейб-гвардейцев. Каждого из них назначал лично император по согласованию с тайным советом, и если уж кто-то из этих великолепных молодых людей решил бы предать своего государя, это означало бы крах всех идеалов и принципов, на которых зиждился нынешний государственный строй. Лейб-гвардейцы имели право доступа в любое помещение дворца, а я, как флигель-адъютант, ещё и допуск к его величеству в какое угодно время суток. Это была единственная брешь в обороне, и я ею воспользовался.

Мы шагали по крыше, совершенно не стесняясь, грохоча ботинками по металлическим листам. Для внутренней охраны само наше нахождение там, наверху, означало, что мы

люди проверенные и нас пропустили. А придворные могли только морщиться и сетовать на беспардонность пролетариев, которые мешают им совершать утренние ритуалы или досматривать последние сны.

Спустившись по пожарной лестнице во внутренний двор, мы поудобнее нагрузились сумками и инструментами и подошли к стремянке, которая стояла тут же, прислонённая к стене флигеля.

– И как мы выберемся наружу? – с сомнением посмотрел на меня хозяин империи. – Тут кругом преторианцы!

– Внимание, фокус с лестницей! – усмехнулся я. – Меня научили этому наши соотечественники ещё в Натале. Мы выйдем через парадные ворота, и никто нас не остановит!

– То есть как это? Бред какой-то...

– Ах, бред? Ну, тогда вам нести верх, перемазанный побелкой...

– Затравлю собаками! – пригрозил он. – А потом на кол!

– Давайте уже, беритесь за грязную сторону.

Так, перешучиваясь, мы и пошли по коридорам и залам дворца, мимо постов охраны и канцеляристов, придворных дам и важных государственных мужей, минуя галереи портретов и проходя мимо роскошных интерьеров.

– Па-а-аберегись! – сказал я преторианцам у самого выхода и дёрнул плечом так, что часть сажи осыпалась на ковёр. Кстати, шемаханский.

– Куда прёшь, тетеря? – возмутился бравый усач в чёрной

форме. – А ну, кыш с ковра, ироды! И с лестницей своей аккуратней, вон чуть вазу не разбили! Осьмнадцатый век, не хухры-мухры!

– Дык, ёлы-палы! – включился в игру император. – Можя дверь подяржите?

– Петька! Петька, поддержи дверь, а то эти охламоны политиру поцарапают! Куда-а-а? Куда по ковра? Гос-с-спади, понабирают по объявлению... Вы откуда такие остолопы взялись?

– Эрзяньских зямель! – с достоинством проговорил его величество.

– А-а-а-а, ну тогда чёрт с вами. Слышь, Петька, это лимита из Эрзяни.

– А то правда, что в Эрзяни грибы с глазами? – Петька втянул живот, пропуская нас и стараясь не замараться сажей.

– А как жа! – шмыгнул носом император. – Их едят, а они глядят!

– Идите уже, Гос-с-с-пади...

Мы так и прошли два квартала с лестницей на плечах и с ней же загрузились в обшарпанную пролётку. Таксисты и извозчики на приличных экипажах даже не смотрели в нашу сторону.

– Фантастика, – сказал император. – Мы просто взяли и сбежали.

Он откинулся на жёстком сиденье, ногами придерживая стремянку, смотрел в утреннее небо, по которому проплы-

вали облака, и блаженно улыбался.

А я пытался рассчитать, сколько у нас есть времени до того, как лейб-гвардеец у дверей забеспокоится? Конечно, они сразу догадаются, что в этом замешан я, там ведь мой мундир остался, в конце концов. Феликс будет локти кусать, когда поймёт, что я надул его и сбежал раньше. Главное, чтобы Лизу не доставали, но она обещалась уехать к папеньке и маменьке в Эвксину на первом же поезде, так что у нас ещё были все шансы увидеться. Познакомлю её с императором – оба будут под впечатлением, это точно. Долго суматоха не продлится, я пошлю Карскому весточку, чтоб не дёргался. Но я его предупреждал – не смей играть со мной втёмную. Пусть теперь дёргается.

– Вам куда, хлопцы? Уже семь кварталов проехали, всё, как вы сказали, прямо! – обернулся извозчик.

– Слушай, а отвези нас в баню, отец? – попросил я. – Видишь, с утра пораньше по трубам лазили, охота помыться-переодеться.

– А гроши есть у вас? – Он точно был из Северо-Западного края, говор был мягкий, «г» выбухное.

– Есть! – Я пошелестел мятой купюрой. – За срочность работы нам неплохо заплатили.

– Так поехали ко мне, старуха самовар поставит, я баньку истоплю. Давай деньгу, ещё и в лавку заедем, баранков купить и масла сливочного, старуха его очень любит! А шо? На кой хрен вам мудями в публичной бане трясти, у меня всяко

приличнее! Водопровод у меня, воды хоть залейся! Это не старые времена, ци-ви-ли-за-ция!

– А где живёшь, отец?

– На Домахе!

– Далековато, – как будто сомневаясь, проговорил я.

На самом деле Домаха нам очень подходила. Это была дальняя окраина, как раз по маршруту нашего побега.

– Так обратно на трамвае поедете, там полверсты до остановки! Небось с лестницей кондуктор не ссадит! Или вы трамваев не видали? Откудова приехали?

Водопровод, трамвай... Император улыбался – ему нравилось слышать всё это.

– Эрзяньские мы! – откликнулся он.

– Ах, эрзяньские... Ну так едем?

– Давай тогда не в лавку, а сразу на рынок. Возьмём того-сего к столу, свеженького, – предложил я, подбросив в ладони несколько монет. – Нароботались натошак, живот крутит – жрать охота!

– Вот это дело! Колбаски, яичек, лучку... – Глаза у извозчика подобрели. – Хорошие вы хлопцы! А мне сегодня работать тяжело – кости ноют, гроза, видать, будет!

Он чмокнул губами, лошадка фыркнула и побежала живее, цокая копытами по мостовой, на которую пролётка свернула с асфальтированного проспекта, спасаясь от бешено ревуших автомобилей, выхлопных газов, гудков, окриков, лязга и треска. Столица просыпалась.

По мере удаления от центра этажность домов по обеим сторонам улицы стремительно уменьшалась, а возраст построек увеличивался, и скоро мы были окружены патриархальными городскими пейзажами Домахи – одного из самых старых предместий Аркаима. Тёмные, почти чёрные срубы на высоких каменных фундаментах, резные ставни, наличники и коньки на двускатных крышах, неторопливые жители, ведущие почти сельский образ жизни. За фасадом современности всё ещё скрывалась та самая старая империя, и казалось, вот-вот из-за угла выйдет патруль стрельцов в красных кафтанах или проскачет гонец в меховом малахае, крича на ходу:

– Слово и дело государево!

Я моргнул, возвращаясь к реальности.

– Приехали, хлопцы! Посидите здесь, а я до базарчика схожу. Каурку вам мою доверяю, вы её не обижайте!

Каурка покосилась на нас с его величеством, вздохнула особенно, по-лошадиному, явно не доверяя.

– Не бойся отец, не обидим!

– А вот вам семечек тыквенных, старуха в печи сушила, прошлогодние. Не скушайте! И на пол не плюйте.

Извозчик двинул на рынок, а мы остались в пролётке грызть семечки.

Глава 4

Неприятности

Наверняка нас уже искали, негласно. Вряд ли спецслужбистам могло прийти в голову развесить на столбах портреты императора, мол, разыскивается, сбежал! Скорее всего, мобилизовали всех сотрудников шерстить вокзалы, речной порт, аэропорт и причальные мачты для пассажирских дирижаблей. Поставить по агенту на каждом перекрёстке – это просто нереально.

Мы выбирались из Аркаима пешком, шли легко, бодро – банька у извозчика оказалась отличной, а завтрак, на скорую руку собранный его женой, пышнотелой женщиной лет пятидесяти, здорово подкрепил наши силы.

Пролётка, запряжённая пугливой кауркой, довезла нас до трамвайной остановки и покатила дальше работать, а мы выбросили стремянку и трубочистовы инструменты в ближайшую канаву и переоделись за кустами в цивильное, из запасов, заботливо оставленных Феликсом под диваном. Я наклеил на переносицу его величества пластырь, и юноша приобрёл ещё более лихой вид.

И вот теперь столица осталась позади. Повозок и автомобилей на этой забытой Богом грунтовке почти не попадалось, так что рассчитывать на попутку не приходилось.

– Какие планы дальше? – спросил император.

– Доберёмся пешком до Трёхгорного, там ждёт посылка на почте, до востребования. И нормальные вещи. – Я с сожалением глянул на свои брюки в полосочку.

Ненавижу одежду в полосочку. И Феликс об этом прекрасно знал!

– А документы?

Я молча протянул ему оба наших паспорта, моё удостоверение журналиста и диплом доктора антропологии (к сожалению поддельный), его корочку младшего научного сотрудника и, дождавшись приступа весёлого смеха, удовлетворённо хмыкнул – он тоже оценил шуточку.

– И откуда такие солидные бумаги? И так быстро!

– У меня есть друзья, которые мне доверяют, – ответил я ту самую ту полуправду. – И преданы вам безмерно. Оттуда и документы, и легенда.

– Ну-ну... И как мне теперь вас звать? Сергей Бозкуртович? Господин Волков?

– Поскольку у нас серьёзная научная экспедиция, и я её глава, можете звать меня шефом. И прошу всерьёз отнестись к работе – я намереваюсь регулярно снабжать «Подорожник» статьями и фотографиями на этнографическую тематику. Вы умеете фотографировать?

– Э-э-э-э...

– Научим! Не к лицу целому доктору наук, самому Сергею Бозкуртовичу, вспышкой щёлкать. Для этого ассистенты имеются. Правда, Иван Васильевич?

– Ещё и Иван Васильевич! – Он веселился вовсю. – Кто придумал эту фамилию – Царёв? Конспирация на высшем уровне! А что касается науки... Вот, например, я, судя по этим документам, целый бакалавр! А какова была тема моей дипломной выпускной работы? Я ведь понятия не имею о студенческой жизни и в этнографии, как говорят, ни в зуб ногой.

– А вы учились заочно, сдавали экзамены экстерном, Ваня. А тема диплома у вас звучит следующим образом: «Быт и нравы населения имперского крайнего севера: свальбардцы, самоеды, ссыльные». Наукообразно, и в лужу не сядете даже перед самым вьедливым собеседником.

Он остановился и глянул на меня удивлённо:

– Вот как? А ведь верно. По крайней мере, практика была самая что ни на есть суровая.

– А я о чём говорю? Погодите, вот мы с вами из Шемахани вернёмся, вы у меня на самом деле бакалавра защитите! Это я вам как магистр говорю.

Солнце периодически пряталось за облаками, так что жара нас не допекала. До большого богатого села Трёхгорного было вёрст двенадцать от Аркаима, так что мы рассчитывали добраться туда часа за три. Я видел, что император – теперь уже Ваня Царёв, откровенно наслаждается пешим походом, и радовался за него. Засиделся парень под присмотром!

Я забрал посылку – увесистый фанерный ящик, и задержался совсем ненадолго, читал телеграмму.

«выехала домой тчк никто не приходил тчк люблю тчк гимназистка»

У меня камень с души упал – Лиза в порядке! Хотелось бы знать, насколько плотно конторские приглядывали за мной в последние два месяца, и что им было известно о моей невесте? Но утешало одно – теперь скорый поезд мчал её в Эвксину, а там уж маменька и папенька возьмут её под крылышко и в обиду не дадут. Тем более что кошмарить их сильно не должны, в конце концов, Феликс сам просил меня создать для императора, то есть для ассистента Царёва обстановку, максимально приближённую к боевой.

А что сбежали – так это чтоб лишнее внимание не привлекать. Да и кротов в верхах никто не отменял. Прознают тёмные силы, что Ваня теперь вольная птица, и подошлют адских церберов...

Проклятье!

Я краем глаза заметил через окно на улице нездоровую ситуацию: мой младший научный сотрудник стоял в окружении каких-то франтоватых молодых людей, которые весьма агрессивно жестикулировали. Неподалёку тарахтел автомобиль, какая-то иностранная модель с волчьей мордой над ра-

диаторной решёткой. Ну как можно было успеть вляпаться в неприятности? Сколько меня не было – четверть часа?

– Ящик постоит здесь! – констатировал я, взгромождая посылку на подоконник, и под неодобрительный возглас почтмейстера выбежал на улицу.

Успел вовремя – разнаряженный в пух и прах щёголь с волосами, обильно смазанными бриллиантином, и гаденькой улыбкой под тараканьими усиками уже размахивался тростью с массивным набалдашником.

– ...всякое быдло! – услышал я самый конец его фразы.

– А-а-а-атставить! Смир-р-р-рна! – рывкнул я.

Сработало безотказно. Они все вчетвером точно отслужили, по крайней мере в ополчении. Туда на три месяца забирали всех, даже аристократов и дегенератов, а поскольку мордороты-унтера реакцию на командирский рык вырабатывали в первый же месяц, успех был гарантирован.

– Что здесь происходит? – обратился я к Ивану.

– Они вели себя неприемлемо. С девушками. – Царёв кивнул в сторону просёлочной дороги, на которой виднелись убегающие силуэты в ярких сарафанах.

– Да ты кто, мать твою, такой? – очнулся фронт с тростью. – Шёл бы ты лесом, служивый! А мы этого пролетария уму-разуму поучим.

В своей рубашке не по размеру, широких брюках и потрёпанных ботинках Иван точно не выглядел императором. Ещё и волосы я ему остриг криво. Надо будет зайти к ци-

рюльнику.

– Никого вы учить не будете, господа. Предлагаю разойтись миром.

Да, у меня был револьвер в кармане, но пускать его в ход против кучки пижонов было слишком.

– Миром? Этот кретин поломал нам планы! Мы хотели снять несколько деревенских шлюшек на вечер, а...

Как он это делает? Фигура Царёва вдруг смазалась, его движения стали плавными, текучими, и один за другим местная золотая молодёжь начала валиться на землю. Это всё, конечно, было прекрасно, но добивать противников Иван явно не собирался. А это была не та публика, с которой следовало играть в благородство!

Я успел пнуть по руке одного из них, сжимавшего нож, и прыгнуть на спину второму, который тянул из кармана короткий револьвер «Бульдог». А вот главаря, швырнувшего свою трость, остановить не получилось, и она, вертясь в воздухе, прилетела Ивану свет Васильевичу аккурат в скулу прежде, чем её хозяин обмяк, получив от меня двойку в голову.

В общем, мой подопечный, как куль, упал на землю рядом с этими пижонами, а они принялись подниматься, матерясь и грозя нам всеми возможными карами.

– А-а-атставить! – снова сказал я. Рукоять револьвера холодила ладонь. – Застрелю.

И взвёл курок.

– Да ты знаешь, с кем связался? – начал шипеть наименее пострадавший из них. – Тебе конец, служивый! Беги хоть на край света, мы тебя достанем. И дружка твоего полоумного. Будет долго жалеть, что не помер прямо здесь, легко бы отделался!

Пришлось пнуть франта ботинком по башке, чтобы он наконец замолчал. Я был в растерянности, честно говоря, и не очень представлял, что теперь делать. Столкновение с местным криминалитетом или молодыми отпрысками богатеев пристоличья в мои планы точно не входило. Машинально подобрал «Бульдог» и стилет, отступил к Царёву.

– Забирайте свою посылку и проваливайте! Мне не нужны неприятности! – на крыльцо вышел почтмейстер. – Я вызвал полицию и карету скорой помощи.

Иван, кряхтя, поднимался на ноги. Он держался за лицо, между пальцами сочилась кровь. Слава Богу, ничего серьёзного! Так бы осиротела страна самым нелепым образом...

– Хватайте ящик! – скомандовал я. – Садитесь в машину.

– Но...

– Никаких но! Хватит самодеятельности!

Царёв выхватил у почтмейстера посылку и потащил её в машину.

– Зря вы связались с этими типами, – сказал этот достойный служитель имперской почты. – И машину зря берёте. Вассер этого так не оставит.

– Да и чёрт с ним, – сплюнул я. Ещё Вассер какой-то... –

Едем!

Иван взгромоздился на переднее пассажирское сиденье с ящиком на коленях. Я уселся на водительское место, бегло осмотрелся и облегчённо выдохнул: никаких сюрпризов! Три педали, рычаг коробки передач, руль. Поехали!

Царёв долго молчал, но, когда машина обдала выхлопными газами и водой из лужи двух разбитых, ярко покрашенных пигалиц в цветастых сарафанах, стоявших у обочины, он проговорил:

– Я понимаю, что поставил наше дело под угрозу, но они называли этих девиц проститутками и позволяли себе хватать их за... За разные части тела! Разве я поступил неправильно? Разве вы поступили бы по-другому? Не должно так вести себя с дамами!

– Вы поступили абсолютно правильно, любезный мой Иван Васильевич, – сказал я и переключил передачу. – Но есть один маленький нюанс.

– И какой же? – он глянул на меня с вызовом.

Ох, как же он был похож на меня самого лет пять назад. Ещё один рыцарь печального образа...

– Это и вправду были проститутки. – Мой взгляд был не менее выразительным.

* * *

Мы свернули в лес и там распаковали посылку. Господи, я

только сейчас понял, как скучал по хаки! Китель без знаков различия, фуражка без кокарды, в петлице наградная лента полного кавалера Серебряного креста. Теперь я казался тем, кем являлся – отставником-офицером, который никак не может порвать с фронтовым прошлым. А цепочка от часов и очки без диоптрий придавали мне вид слегка академический, как и положено учёному-этнографу из ИГО.

– Шеф! – Его величество привыкал к легенде и уже не запинался каждый раз, обращаясь ко мне подобным образом. – Сергей Бозкуртович, вы отлично выглядите! Как будто с обложки приключенческой книжки.

– А вы, Ванечка, не очень!

Он смущённо пожал плечами. Винить в огромной ссадине на правой скуле и расплывающейся вокруг неё гематоме было некого – Царёв понимал, что сам оконфузился с этими сельскими профурсетками. Ну откуда ему было знать, как они выглядят?

На самом деле, если не считать разбитого лица и дурацкой стрижки моего производства, юноша смотрелся молодцом. Вообще, ему шла любая одежда – хоть та дурацкая рубашка, теперь залитая кровью и выброшенная вон, хоть этот элегантный недорогой серый френч. Ну и военная форма тоже – помнится, я как-то одалживал ему свой парадный мундир.

– От машины нужно будет избавиться. Посмотрите в багажнике, нет ли там канистры с бензином. И вот что, Иван... Возьмите револьвер. – Я протянул ему «Бульдог». – Справи-

теть?

– Справлюсь, – кивнул он. – У меня к вам есть одна просьба, шеф. Обращайтесь ко мне на ты, ладно? Без церемоний. Мне так проще будет привыкнуть. До самой Шемахани я Иван Царёв, ваш ассистент. Если сложится ситуация, когда нужно будет вспомнить, как обстоят дела на самом деле, я вас предупрежу... Сергей Фаркасович.

– Хорошо, Ваня. Я тебя понял.

Это оказалось не так сложно, как я думал. Всё-таки он был моложе меня, и знал я его ещё с тех пор, как лечил от горячки в продуваемой со всех сторон камерке в Варзуге. Да и легенда требовала.

Пока Царёв копался в багажнике, я рассматривал карту. Нужна была железная дорога или почтовая станция, где можно было napроситься в машину или повозку. Желательно верстах в пятидесяти, чтобы неизвестный Вассер, которого упомянул почтмейстер, не успел послать туда своих людей.

– Поедем на пригородном поезде, – наконец нашёл нужную точку я. – Вряд ли нас будут искать среди дачников, крестьян и студентов.

* * *

Машину мы подожгли в сыром овраге, чтобы огонь не было видно издалека. Дым терялся в вечернем небе, запах гари растворялся в лесных ароматах.

Станция «Перелески» располагалась в трёх верстах, и у нас было около полутора часов до последнего поезда. Раньше времени на перрон решили не соваться – там под навесом собрался народ самый разный, и кто-то из них мог быть по нашу душу. Поэтому дождались паровозного гудка и выскочили из-под тени деревьев в самый последний момент, испугав кондуктора, гладко выбритого взрослого мужчину.

– Куда-а-а? – от неожиданности крикнул он мне прямо в лицо. – А билеты?

– А вы нам продадите? Мы едва успели!

– У нас с наценкой... – Он пропустил нас в свой последний вагон и просемафорил коллегам фонарём, мол, можно ехать!

Поезд тронулся, и вдруг из ночной тьмы появились трое мужчин, которые бежали следом за составом по насыпи, хрупая сапогами по гравию.

– Стой, стой! – кричали они. – Стой, кур-р-р-ва!

Кондуктор забормотал проклятия и потянулся к стоп-крану, но вдруг был остановлен рукой Ивана.

– Это нехорошие люди, – сказал он как-то по-особенному мягко, глядя в самую душу железнодорожнику. – Не стоит из-за них задерживать остальных пассажиров.

Тот вдруг резко вспотел и прислонился к стенке тамбура. Я отпустил рукоять револьвера в кармане и спросил:

– Вань, а почему ты решил, что они нехорошие?

Он пожал плечами и совершенно обычным голосом ска-

зал:

– А станут хорошие люди по ночам догонять поезд с автоматическими пистолетами в руках?

– Действительно, – отёр пот со лба кондуктор. – Проходите в вагон, а я пойду к начальнику поезда, расскажу. Пусть предупредит жандармов, мало ли – налётчики?

Он с подозрением уставился на нас:

– А вы не налётчики, господа?

– Нет, – как можно более радушно ответил я, молясь, чтобы револьвер не выпал из кармана – уж больно ненадёжно он там располагался. – Мы учёные. Этнографы.

* * *

В вагон сквозь открытые окна залетал ночной ветер и дым от паровоза. Пахло углём, семечками, пивом и почему-то жареной картошкой. Деревянные лавки со спинками располагались одна напротив другой и почти все были заняты – в каждом пролёте сидели один-два пассажира, берегли личное пространство. За исключением нескольких компаний, которые ехали вместе, понятное дело.

Двое матёрых мужиков-крестьян резались в «дурня», азартно матерясь. Студенты в мундирах технических колледжей спали, вытянув ноги на лавках, какая-то бабуля везла в мешке поросёнка, который хрюкал из-под холстины и нещадно вонял. Толстый дядька в конце вагона пожирал кар-

тошку с мясом из металлической банки с крышкой.

Котомки, сумки, тачки, трёхколёсный велосипед... Мы едва протолкнулись мимо всего этого к свободным местам напротив чинной дамы, похожей то ли на чиновницу, то ли на учительницу. Скорее всего – последнее, потому как чиновнице в пригородном поезде делать было явно нечего.

Дама читала газету.

– Нет, это неслыханно! – сказала вдруг она. – Покушение на императора, только подумайте! Бедный мальчик!

Мы переглянулись, и я попросил:

– Не расскажете нам, в чём, собственно, дело? Мы с коллегой весь день бродили по лесам, собирали материал для исследования и не видели свежей вечерней прессы...

– Вот как? Так послушайте: утром во дворце прогремел взрыв, до сих пор разбирают завалы! Погибло более сорока человек! Император жив, но ранен, сейчас находится в больнице, его оперируют. Власть перешла к регентскому совету, на завтра назначено экстренное заседание сената. Я так за него переживаю, вы знаете? Бедный мальчик, столько пережил, а теперь это... Мы все должны молиться за его здоровье, все как один! – Сказав это, она вернулась к чтению.

– Дела! – сказал Ваня и потрогал травмированную скулу. – Оперируют, значит? Может, следует вернуться?

– Ни в коем случае, – отрезал я.

Они ведь и вправду могли не знать, наши добрые друзья, выжил император или нет. Отсюда и деза про операцию. Да

и вообще, кто в тот момент находился во дворце? Жив ли Феликс? Арис? Артур Николаевич?

Ненавижу, когда со мной играют втёмную.

Глава 5

По великой реке

Бринёв, небольшой городишко, каких на просторах империи тысячи, являлся отражением лучших чаяний императора. По центральным улицам тут тянулись линии электропередач, на местной речушке грохотала потоком воды мини-ГЭС, возвышались над домами водонапорные башни, обеспечивая бесперебойную подачу воды до четвёртого и даже пятого этажа, работали целых четыре завода: деревообрабатывающий, консервный, винокуренный и мукомольно-крупяной. Имелся главпочтамт с телеграфом и телефонной станцией, и даже собственная газета. Ресторанчики и кафе, ателье, магазинчики, ремесленные мастерские, студии и парикмахерские завлекали посетителей яркими вывесками и нарядно оформленными витринами.

И почти все эти заведения были закрыты в связи с жуткой ранью. Мы прибыли сюда ещё до рассвета и, заскучав в зале ожидания на вокзале, пошли бродить по Бринёву, коротая время. Проведя рекогносцировку исторического центра, пристани и жилых кварталов, мы наконец нашли что-то работающее. Один-единственный брадобрей-цирюльник, явно восточный человек с характерным разрезом глаз, наводил лоск в своей обители, протирая и без того идеально чистые зеркала белоснежным полотенцем.

– Господа, господа, – сказал он на чистейшем имперском языке. – Вам определённо необходимо посетить цирюльню Хасбулата!

Царёв провёл рукой по коряво обстриженным волосам и умоляюще глянул на меня. Вообще-то мне тоже следовало постричься покороче – буду делать акцент на отрастающую бороду, в свете разворачивающихся событий маскировка снова становится актуальной.

– Да-а, приведите в порядок этого юношу, – сказал я. – Сделайте полубокс, ладно?

– Сделаю, сделаю. Ещё и подлатаю! Рану хорошо бы обработать, это я бесплатно, и не сомневайтесь в моей квалификации – я в армии был санитаром. Это кто вас так отделал-то, молодой человек? – Восточный человек Хасбулат захватил Ваню в плен, усадил в кресло и укутал крахмальной чистейшей простынёй. – Надеюсь, он выглядит хуже?

– Они! – слегка самодовольно поправил его Царёв. – Я их всех уложил. Правда, без шефа мне пришлось бы худо.

– Вот как! Ваш шеф тоже непростой человек, да?

– А то! Доктор наук! – всю трепал языком Ваня. – Абыкого в ИГО не берут!

– Доктор наук? А больше похож на ветерана!

– Так одно другому, собственно...

Пока младший научный сотрудник находился в цепких руках парикмахера, я решил прогуляться по городу, почитать новости. Всё-таки императорский дворец не каждый

день взрывают! Последний раз такое лет сорок назад было, да и то теракт предотвратили – тогда господа революционеры динамитные шашки в дровах в кочегарку протащили, один из дворцовых гренадеров вовремя заметил.

А тут такое! Конечно, взрывчатые вещества сейчас куда как мощнее, и способы доставки разнообразнее, и ассортимент взрывателей шире, но... Это какой же дерзостью и профессионализмом нужно обладать, чтобы...

Я остановился перед столбом для объявлений, смотрел на афишу во все глаза и не мог поверить. Неужели вот оно? Яркие, кричащие буквы возвещали: «**ПЕРВЫЕ И ЕДИНСТВЕННЫЕ ГАСТРОЛИ ЛУЧШЕГО ДЖАЗ-БАНДА СИПАНГИ! НЕСРАВНЕННАЯ ИЗАБЕЛЛА ЛИ В ВАШЕМ ГОРОДЕ! МАНГАЗЕЯ, АРКАИМ, САРКЕЛ, ЯШМА, ЭВК-СИНА!**»

Твою-то мать! И дата выступления в Аркаиме как раз накануне нашего побега. И, соответственно, теракта! Проклять, почему я не видел этой афиши раньше? Ну да, я не особенно распространялся об увиденном и услышанном на Золотом острове, но... Куда смотрит контрразведка? Арис со товарищи совсем мышей ловить перестали?

Я чуть ли не бегом побежал к телеграфной конторе, к самому её открытию, и вломился внутрь, хлопнув дверью и напугав девушку за стойкой:

– Срочная телеграмма в Аркаим! Главпочтамт, ротмистру, до востребования. Пишите: «Ассистент жив тчк едем го-

ры тчк внимание гастрологи джаз тчк». Подпись – поручик.

– Ротмистру? Просто ротмистру и всё? – удивилась девушка. – Может, фамилию поставим?

– Нет, пусть будет именно так, – это был резервный канал связи, – просто ротмистр и просто поручик.

Вообще-то я должен был всё передавать лично в руки связным, но не пошли бы они все к чёрту вместе со своими связными? Особенно теперь, когда дворец взорвали. Я заторопился назад, к цирюльнику Хасбулату – всё-таки оставлять Царёва один на один с окружающей действительностью было страшновато.

* * *

Вот теперь образ младшего научного сотрудника Ивана Васильевича Царёва казался полностью завершённым. Эдакий интеллигент из злых и голодных, в глазах которого просматривается беспризорное детство, какие-то околокриминальные делишки и вместе с тем природное обаяние и грация. Такие становятся старостами этажей в студенческих общагах, лидерами молодёжных профсоюзов или вожаками банд. Кажется, ну что такое стрижка? А вот вам, пожалуйста – был рифлёный аристократ с родословной длиной в тысячу лет, а теперь парень, с которым лучше не встречаться в подворотне.

Я с удовольствием провёл ладонью по его стриженной го-

лове. Непередаваемое ощущение! Что, панибратство с императором? Ну, он сам вроде как просил меня вести себя с ним как с настоящим ассистентом.

Иван только хмыкнул, вставая с кресла и давая возможность Хасбулату убрать рабочее место.

– Теперь моя очередь! Бороду оставляем, сверху двойка, по бокам ноль, – сказал я.

– Сделаем! – кивнул брадобрей и снова принялся щёлкать машинкой.

– Сергей Бозкуртович, – подал голос Царёв спустя несколько минут. – Наши коллеги там с ума не сойдут? В столице?

– Я весточку послал, что экспедицию мы всё-таки продолжим, а так пусть сходят. Облажались они знатно, да, Ваня?

Ваня вздохнул и тоже провёл обеими ладонями по колючему ёжику волос.

– Подумать страшно. А что было бы, если бы вы за мной не зашли, шеф?

Хасбулат стрикал машинкой и молча поглядывал на нас своими раскосыми глазами.

– Потому я и зашёл, – откликнулся я.

– А вы кто, геологи? – спросил наконец цирюльник. – Вы же из Имперского географического общества?

– Этнографы. Едем в Шемахань изучать народные традиции.

– О-о-о-о! В Шемахань? Через Каф? А в Касабу заезжать

не собираетесь, господа?

Я задумался, закатив глаза. Касаба – небольшой городишко среди гор Кафа, между Эвксиной и Шемаханью, и один из возможных путей действительно пролегал там.

– Пока не решил. Сами понимаете, башибузуки, перевалы, погода...

– Господа, господа, но вы ведь будете там, неподалёку! В Касабе у меня живёт брат, я не видел его тысячу лет. Может быть, вы передадите ему письмо от меня и приглашение навестить здесь, в Бринёве? Они живут небогато, а я устроился, мог бы помочь им. Работы тут полно!

Я остановил этот поток речи:

– Понятия не имею, будем ли мы в Касабе, почтенный Хасбулат.

– Ну, если не будете, передадите письмо караваном. Всяко надёжнее.

– А почему бы не послать его имперской почтой? – удивился Царёв.

Мы с цирюльником переглянулись.

– А это не империя. Это другая сторона хребта, – ответил я. – Изучайте карту, коллега. Стыдно.

А Хабсулат движением факира снял с меня простынь и сказал:

– Готово!

Теперь настала очередь Ивана с усмешкой проводить рукой по моей стриженной голове. Ну и чёрт с ним, с меня ко-

рона не упадёт. У него же не упала?

* * *

Письмо цирюльника, написанное затейливой вязью, я спрятал в один из саквояжей и подумал о том, что стоило бы обзавестись нормальными ранцами или рюкзаками. Однако здесь, на речной пристани, найти их было негде, да и паром уже приближался, рассекая волны носом, шумя гребными колёсами и оглашая окрестности задорным гудком. Поток пассажиров устремился на причал, начались охи, ахи, встречи, улыбки, поцелуи...

Царёв стоял посреди всей этой суеты и сутолки совершенно ошеломлённый. Мне пришлось ткнуть его в бок:

– Хватай багаж, и вперёд к трапу!

Старпом, проверявший билеты, долго всматривался в наши документы, потом в лица, и наконец спросил Ивана:

– Мы с вами нигде не встречались?

– А-а-а, нет! – беспечно отмахнулся Царёв. – Я на актёра одного похож, арелатского, из синематографа. Все спрашивают.

– Может, и на актёра... – озадаченно проговорил старпом.

А я не беспокоился. Меня тут никто узнать не мог. Я ведь не фотомодель с обложки, не политик, не певец и не артист – я статьи пишу и книжки, и в людей стреляю. Лицо моё никому и даром не надо.

– Проходите! Каюта по левому борту, номер семнадцать.

Мы прошли по узкому коридору к своему временному обиталищу. Не Бог весть что, второй класс, но чистенько и опрятно. Две койки, круглое окно-иллюминатор, шкафчики, тумбочки...

– Не дворец, конечно, – прокомментировал Царёв, – но и не Варзуга. И тем более не Новый Свет. Долго будем здесь прохлаждаться?

– А кто сказал, что ты будешь прохлаждаться, Иван? У тебя куча дел!

– Какие ещё дела?

– Выучить карту предгорий и гор Кафа – это раз! – начал загибать пальцы я. – Привыкнуть нормально общаться с людьми – это два! Научить меня этим твоим ухваткам по швырянию людей на землю – это три. Ну и пуговицу будешь пришивать себе на сюртук. Это четыре.

– Пуговицу? – Он начал себя осматривать, а потом заметил болтающуюся на обшлаге левого рукава нитку. – Тут? Но я...

– Не умеешь? Будем учиться. На всё про всё четыре дня.

Раздался гудок, зашлёпали лопасти колёс, взбивая мутную воду. По одной из бесчисленных рек империи мы двигались к Итилю.

Кажется, я задремал на полчаса, не больше – читал прессу, разморило. Очнулся от какого-то гомона и гула на верхней палубе. Царёв пропал! Сюртук лежал с аккуратно пришитыми пуговицами на кровати – я ему их все поотпарывал, чтоб парень тренировался. Учеником он оказался способным, вон как справился, загляденье! Думал, до вечера его займу, а сейчас солнце ещё всю светило в иллюминатор, значит, было не больше трёх пополудни. Я схватился за часы. Вот же чёрт, проспал больше трёх часов!

А вот нечего было до полуночи с капитаном лясы точить! Каюсь, грешен, зацепились языками, обсуждали высадку на побережье у Бубыря, он там одним из транспортов командовал, оказывается. А теперь вот – придавило к подушке, и потерял Иванушку! Но не такой он человек, найдётся. По всему выходило, переполох на палубе был его виной, и в этом предстояло разобраться.

Потирая заспанное лицо, я прошёл по коридору и поднялся наверх по гулкой металлической лестнице. В лицо ударил мощный свежий запах реки, яркое летнее солнце и крики чаек.

На палубе творилось чёрт-те что.

Зря я сомневался в его способности адекватно общаться с людьми. Все представители династии были личностями ха-

ризматичными и обаятельными, это признавали даже лоялисты. Эти ясные глаза, открытая улыбка и изящные манеры, не переходящие, впрочем, в лебезение, а полные достоинства, производили впечатление на любого человека, независимо от пола, возраста и социального положения. И мой ассистент стал всеобщим любимцем уже за первые сутки путешествия. Играл с детьми, делал комплименты барышням и дамам постарше, был безукоризненно вежлив с экипажем. А мужчин он купил другим своим талантом.

Он выигрывал. Ну, то есть всегда. То ли это было связано с математическим складом ума, то ли ещё с какой-то особенностью его гениального интеллекта, но в шахматы он сделал всех, и самая длинная партия длилась десять ходов. На бильярде победил даже капитана, заставив его ошеломлённо грызть мундштук трубки и восхищённо шептать в усы малый морской загиб.

А теперь он переключился на покер. И это было плохо!

Царёв сидел за столом в брюках и боксёрке, давая возможность всем дамам любоваться его мощными плечами и крепкими руками, а мужчинам убедиться в том, что он не шулер. Перед ним высилась солидная горка купюр и монет, а его противники явно пребывали в отчаянии. Толстый купчина в малиновой рубахе, седой, в возрасте уже дворянин в полотняном костюме и канопе и какой-то офицер-артиллерист в звании майора уже и не рады были, что сели с ним за стол.

Завидев меня, майор посветлел лицом:

– Господин офицер! – Ну да, несложно было догадаться по накинутому на плечи кителю и орденской ленте. – Не одолжите сотню? Я в Саркеле на пристани верну, слово чести!

– Господин майор, позвольте вас отговорить от такого необдуманного поступка. Мне совестно будет потом требовать от вас эти деньги – вы ведь их проиграете.

– И всё-таки... – Он сдвинул фуражку на затылок.

– Этот молодой человек мой ассистент. Он экстерном сдал высшую математику за два месяца, хотя её изучают год. Понимаете?

– Проклятье... – Дворянин бросил карты на стол. – А я ещё думал, не шулер ли он? Прошу прощения, господин Царёв, за подозрения, я и вправду не верил, что такое возможно! Феноменально! Я расскажу об этом всем своим друзьям, а внукам найму репетитора из университета. Математика, говорите? Ну надо же!

– Иван, я думаю нужно отдать господам их деньги. Это нечестно, – сказал я.

Царёв глянул на меня как ребёнок, у которого отняли игрушку. Ну вот как ему объяснить, что это такой же кошмар, как расстреливать зулусов с копьями из «Максима»? При необходимости можно и даже нужно, но в деньгах мы не нуждались, и цеплять на долговой крючок никого из этих почтенных господ задачи не было.

– Нет, позвольте! – возмутился купец. – Всё честно! Мы видели, как этот молодой человек играет в шахматы, и могли

бы догадаться. Но нет! Захотели свергнуть его с пьедестала и поплатились. Всё честно!

Я пожал плечами.

А Иван вдруг широко улыбнулся и крикнул:

– Всем арелатского, игристого! Каждому пассажиру! Угощай! Вы лучшие попутчики в мире, друзья!

И сорвал овацию, конечно. Умел он это – купаться в славе. Стюарды вытащили из холодильной камеры ящик арелатского, и оно полилось в фужеры для первого класса, бокалы и стаканы для второго, железные и керамические кружки для третьего. Рабочие и их подруги, путешествующие в Саркел в поисках хорошей зарплаты и хлебного места, с осторожностью пробовали напиток богачей и радостно улыбались.

Царёв подошёл ко мне и опёрся на перила:

– Ну что, я правильно сделал?

– Правильно. Ещё правильнее было бы вообще не садиться с ними за карточный стол.

– Шеф, но...

– Ты стал бы боксировать с ребёнком?

– А... Но я...

– Люди не равны от рождения. У кого-то с детства астма, и он задыхается, пробежав несколько шагов. Другой страдает изжогой. Третий не различает цвета. Один высокий, другой низкий, третий хромой. Есть ещё мужчины и женщины, есть коричневокожие, раскосые, северяне, южане... Кем бы сочли человека высокого роста, который, находясь в коллек-

тиве низкорослых людей, постоянно кладёт, например, ключи от общей душевой на самую верхнюю полку?

– Скотиной, – сказал он мрачно.

– Так кой же хрен... – скрипнул я зубами.

– Я всё понял, шеф. Я понял. Соревноваться нужно с равными.

– А ещё лучше с сильнейшими. Использовать свои преимущества против тех, кто заведомо слабее – моветон, Ваня.

– А враги? – на всякий случай уточнил он.

– Враги... – Я снова вспомнил зулусов. – А врагов нужно уничтожать, используя все возможные средства. Только нужно совершенно точно знать, что перед тобой именно враги, а не свои, которые почему-то сочли врагом тебя.

– Как лоялисты? – хмыкнул он.

– Да, как некоторые лоялисты.

Мы стояли и смотрели на широкий невероятный Итиль, на проходящие мимо суда, прибрежные деревеньки и городки. Солнце постепенно клонилось к закату, окрашивая голубые воды великой реки в сюрреалистические багровые тона. Где-то служили вечерню – слышался мерный колокольный звон.

– Иван Васильевич, а к зачёту по географии Кафа вы уже подготовились? – спросил я.

– К зачёту? Вот же послал Бог научного руководителя! – вздохнул Царёв, с трудом отрываясь от медитативного созерцания своих необъятных владений. – Мне нужно четверть

часа, Сергей Бозкуртович, и можете проверить.

Кто ж знал, что у нашего золотого мальчика ещё и фотографическая память?

* * *

Ночью к дверям нашей каюты приходил пьяный майор, ломился и требовал отыгаться. Матросы едва скрутили его и поместили в холодильную камеру до утра, чтобы он протрезвел. Наутро замёрзший и простуженный майор ничего не помнил и пребывал в удивлении, кой чёрт понёс его ночью в холодильник?

Все тактично отмалчивались.

Глава 6

Саркел

Утром, когда впереди уже виднелся огромный белый город Саркел, привольно расположившийся на зелёных склонах окрестных холмов, я разминался на палубе, стараясь привести себя в порядок после дурацкой ночи.

– Слышите? Кто-то стонет. Что это?! – Оказывается, наверху я был не один.

Иван тоже проснулся, вышел подышать воздухом, и теперь замер у перил, озадаченный. Поначалу я не понял, что именно он имеет в виду, но потом прислушался.

Звук раздавался со стороны берега. Пение, которое Царёв принял за стон, становилось всё громче, мы приближались к его источнику.

– Обычное дело, – сказал я. – Бурлаки. Тянут баржу вверх по течению.

Он смотрел на несколько десятков мужиков, впряжённых в постромки и медленно бредущих вдоль песчаного берега. Они тянули баржу, гружёную углём, тяжело ступая, и мерно ухали, помогая себе держать шаг.

– Но почему... – удивился Иван. – Зачем они это делают? Есть же буксиры, тракторы, ломовые лошади, например...

– Есть, – кивнул я. – Но и они тоже есть. Взгляни на берег – где здесь пройдёт трактор или ломовая лошадь? Уровень

воды в Итиле ближе к устью постоянно меняется, и бечевник – тропа для буксировки судна – может быть только временным. По песку и гальке.

– Но паровые двигатели...

– Бурлаки экономичнее. Вместо топлива расходуют продовольствие, а в этих местах хлеба и баранины гораздо больше, чем угля или нефти. Да и нет пока в империи такого количества двигателей, чтобы обеспечить весь речной трафик буксирами на паровой или дизельной тяге.

– Значит, нужно строить заводы по производству этих самых двигателей, – решительно рубанул ладонью по воздуху он. – Это какое-то средневековье! Только надсмотрщика с плёткой не хватает. Дикость. И завывают так... Мороз по коже!

– На одном Итиле около трёхсот или четырёхсот тысяч бурлаков. Ты думаешь, будет просто переучить их на рабочих по производству деталей для двигателей? Да они проклянут того, кто попытается это сделать! Зачем им это нужно – в корне менять свою жизнь? Какая у них мотивация? В удачный сезон бурлак на Итиле зарабатывает столько же, сколько клерк средней руки в том же Бринёве! И это притом, что большая часть речного трафика приходится на время, свободное от сельского хозяйства. Чем не приработок для поселян?

– И что, ничего не делать? – удивился Царёв.

– С этими-то? – Пароход как раз приблизился к ватаге

бурлаков. – Пожалуй, что и ничего.

Крепкие мужики в справной одежде, прочной обуви, удобных головных уборах тянули баржу по узкой полоске земли между обрывистым берегом и речной водой. Они протяжно пели, помогая себе в работе. Командовал бурлаками седой, битый жизнью старикан, тоже впряжённый в лямку. И никаких плетей!

– Они не кажутся забитыми или угнетёнными, да? Это их жизнь и их ниша. Что с ними сделаешь? А вот с их детьми... – рассеянно проговорил я.

Лицо Ивана просветлело:

– Не стоит ставить всё с ног на голову, потому что императору не понравилась песня, да? – Он напряжённо думал, как будто высчитывая что-то. – Если поддерживать оптимальные темпы индустриализации и повышения уровня грамотности в регионе, создавать новые рабочие места для подрастающих крестьянских детей в сельском хозяйстве и промышленности одновременно с модернизацией речного флота, тогда...

Мне казалось, в глазах у него мелькают столбики цифр, пальцы Царёва выводили на перилах какие-то каракули. На несколько мгновений он закрыл глаза, а потом широко распахнул их:

– Так, насколько я могу судить, через десять-двенадцать лет мы сможем превратить бурлачество в элемент фольклора, избавиться от него как от экономического явления. И когда мне будет тридцать, я смогу спокойно путешествовать по

Итилю и не слышать эти стоны. В конце концов, император я или нет? Могу себе позволить слушать музыку, которую хочу?

– А чем вам песня не нравится-то? – удивился я.

Интересные у него, однако, методы работы с репертуаром народных песенных коллективов.

– Ну не нравится, и всё! – буркнул юноша, развернулся и пошёл в каюту.

Я прислушался к протяжному хору хриплых мужских голосов.

– Эх, дубинушка, ухнем... – раздавалось с берега в такт тяжёлым шагам бурлаков. – Эх, зелёная, сама пойдёт, сама пойдёт, подёрнем, подёрнем да у-у-у-ухнем! – Эх, зелёная, сама пойдёт, сама пойдёт, подёрнем, подёрнем да у-у-у-ухнем!

* * *

Саркел когда-то давно, в незапамятные времена принадлежал башибузукам. Но власть кочевников в этих землях никогда не была прочной. Постепенно трудолюбивые земледельцы с севера под охраной государевых войск отвоёвывали у степи версту за верстой, двигались на юг, сделав сначала рубежом империи Итиль, а потом горы Кафа. Степь распахали, по реке пошли корабли, город обзавёлся постоянным населением и теперь считался одним из крупнейших

торговых и промышленных центров страны. Потомки местных племён башибузуков давным-давно были ассимилированы и считали себя точно такими же имперцами, как и правнуки землешцев-первопроходцев. Плави́льный котёл гигантского государства перемолол их и смешал до однородной массы, наделив жителей Саркела чуть более смуглой кожей, выразительными бровями и ресницами. Именно они, эти пассионарные полукровки, стояли в первых рядах покорителей Кафа, водружали имперское чёрное знамя с белым орлом над башнями Эвксини и приводили к покорности уже моих предков.

Такова империя. Имперцы врываются в кишлаки и аулы, разрушают сакли, невольничьи рынки, караван-сарай и капища Ваала с кровавыми жертвенниками, оставляя после себя лишь библиотеки, школы, больницы, промышленные предприятия и железные дороги. А то, что имперский солдат и имперский инженер не могут сделать сразу, заканчивают имперская школа и церковь за следующие лет двадцать.

Справедливости ради, в Эвксини никогда Ваалу не поклонялись. Дорогой друг Тесфайе сказал бы про эвксинцев, что они люди Джа. Да и история Эвксинского государства имеет корни куда как более древние, чем вся родословная нынешнего императора. Но это так, потешить самолюбие маленького гордого народа, который кичился остатками национальной идентичности и мнимой автономией в составе империи.

– Шеф! Нам куда? – Голос Ивана отвлек меня от нахлы-

нувших мыслей о судьбах народов и вернул к суровой действительности. – Какие у нас тут планы?

– Планы? Ищем пролётку, снимаем гостиницу. Ты как к джазу относишься?

– К джазу? Я больше классическую музыку люблю, – признался Царёв. – Ну и кадрили всякие, галопы, джиги. В Варзуге во вкус вошёл. А что не так с джазом?

– Да тут приезжает одна мировая знаменитость. Не хочешь на концерт сходить?

Иван понял, что в моём вопросе было двойное дно, однако пожал плечами с деланным безразличием:

– Можно и на джаз сходить. Культурный досуг!

Транспорт нашёл нас самостоятельно. Таксист в вязаной шапочке, заросший по самые глаза густой коричневой бородой, видимо, припозднился. Всех пассажиров расхватили его более удачливые коллеги, а этот, на ходу дожёвывая огромный калач, махал нам рукой:

– Поехали, господа! Поехали! Довезу куда надо!

– Главпочтамт городской. А потом дешёвое жильё, – сказал я.

– Всё знаю, всё рядом! – И принялся энергично манить нас за собой.

Он активно шлёпал ногами в босоножках по тротуару, рукава его просторной рубахи и свободные шаровары так и развевались по ветру.

– Меня Федотом зовут, – сказал он. – А внешнего вида

машины вы не бойтесь, она у меня надёжная.

Стоит ли говорить о том, что надёжная машина оказалась ржавой колымагой? Она тарахтела и тряслась и, казалось, сейчас развалится. Клубы чёрного дыма вырывались из выхлопной трубы, которая торчала над покосившейся крышей чудовищного автомобиля, из-под капота раздавалось жуткое рычание, подобное рёву раненого медведя-шатуна. В потрёпанном и изгвазданном салоне жутко воняло горючим, алко-голем и ещё чем-то приторно-сладким. Вёл Федот ужасно – быстро разгонялся, резко тормозил, на поворотах его заносило, и матерился он нещадно, на чём свет стоит проклиная остальных участников дорожного движения.

Он остановился у входа в какой-то сквер и ткнул пальцем сначала в вывеску почты, а потом в сторону какой-то подворотни с аркой. На арке была надпись «Дишовые нумера».

– Федот, – сказал я, – ваша машина нам, возможно, ещё потребуется. Где вас можно будет найти?

– Завсегда у пристани! – Он принял деньги. – Обращайтесь, господа!

Царёв с зелёным лицом вывалился из транспорта:

– Никогда... Никогда меня в авто не тошнило и морской болезни не было, но это... Это чудовищно! За каким чёртом, шеф, нам может ещё раз понадобится этот монстр?

– Как думаешь, если мы будем перемещаться на нём по городу, запомнят нас или шушпанцер Федота?

– Однако! – задумался Иван. – Но с запахом ему нужно

что-то делать.

На главпочтамте меня ждала телеграмма от ротмистра.

«полная свобода действий сбереги ассистента верь ветеранам двигайся цели»

Жив, чертяка, наш заговорённый Феликс. Суету наводит, на уши всех ставит. Свобода действий, значит? А сразу почему нельзя было всё откровенно рассказать? И про готовящееся покушение они наверняка знали, но заигрались, проворонили! Сейчас, верно, чисткой рядов опять занялись, но сами землю роют! Но про джаз ни слова. Может, не понял, а может, не поверил. В конце концов, товарищ Саламандра хищница матёрая, там и алиби, и легенда, всё будет, комар носа не подточит! Ветераны? Привлечёт кого-то из наших общих знакомых для связи со мной? Отличный ход, тот же Дыбенко был бы в таком деле просто незаменим. А «двигайся к цели» означает, что путешествие в Шемахань продолжается.

Царёв в это время читал «Курьер», привалившись плечом к стене.

– Смотри, что пишут, – сказал он. – Императора прооперировали, состояние стабильно тяжёлое. По всей стране молебны о здравии. Дела!

– Как думаешь, выживет? – спросил я его и по-дурацки хохотнул.

Иван ошупал себя, закатил глаза, как будто прислушиваясь к внутренним ощущениям, и сказал:

– Думаю, шеф, за исключением смерти от голода и жажды, его величеству мало что угрожает.

– Тогда вперёд, друг мой, в «Дишовые номера», а потом искать обед!

* * *

На удивление, в номерах было даже чисто. Комнатки крохотные, но две кровати, стол, стул, гвозди, вбитые в стену вместо крючков. Замок и засов на двери. Большой сундук, гигантский, опять же с замком для вещей.

– Посуточно или за неделю оплатите? – уточнил совсем юный портье.

– Посуточно. Ванная, душ – что-то такое есть?

– Душевая в конце коридора, – замялся он. – Ночью туда лучше не ходить. Вообще, лучше ночью из номера не выходить, если проблемы не нужны. Ой, хозяин меня убьёт за то, что я это вам говорю. Клиентов отпускаю.

– А мы пуганые, не переживай. И хозяину твоему ничего не скажем.

Портье покосился сначала на разбитую физиономию Царёва, потом на мою орденскую ленту и понятливо кивнул. Всё-таки кавалер Серебряного креста – это особый статус и особое отношение. Ну и лихая рожа тоже.

– И в сундуке ничего ценного не оставляйте. Одежду не украдут, саквояжи и пайку тоже, а что поменьше да подоро-

же – как пить дать стибрят, – дал ещё один добрый совет этот работник сферы услуг.

Габаритное и неудобное имущество, которое, по словам этого ответственного работника, красть не будут, мы сложили в сундук. Наверх я положил гранату – обычную протекторатскую «колотушку» с выкрученным запалом. Запал спрятал под матрас, а то мало ли... Такой сюрприз должен был прочистить мозги любителям пошарить в чужих вещах.

На рекогносцировку отправились в кафе рядом с филармонией, где должна была завтра выступать Изабелла Ли и её джаз-банд. Кафе называлось «Каркассон», и там предлагали руссильонскую и арелатскую кухню. Суп эскаливадо, хлеб с помидорами, колбаски фуэт – никогда не пробовал ничего подобного. Оказалось питательно и вкусно.

– Этот джаз-банд – матёрые анархисты, – пояснял я Царёву. – Террористы чистой воды. Для них человека прикончить – плёвое дело. Более того, накануне взрыва дворца и нашего с тобой побега у них был концерт в Аркаиме.

– Так это они? – Иван отламывал огромные куски «кока де рекапте» – лепёшки с овощами и колбасой – и макал в соус из чеснока и оливкового масла. – Они меня хотели убить?

Это совершенно не портило ему настроения. Его уже пытались лишиться жизни много раз – сначала заговорщики во время переворота, потом лоялисты в концлагере, затем... Сколько покушений предотвратили преторианцы, лейб-гвардия и спецслужбы? Больше дюжины точно. Кое-

кого из убийц он даже обезвредил сам, например во время праздника в кадетском училище, которое навещал с подарками. Вывихнул руку и обрушил на пол одного из молодых преподавателей, кинувшегося на него с ножом. То ли скрытый лоялист, то ли просто чокнутый оказался, Бог знает. Так что поход на концерт к анархистам Царёва не смущал.

– Скорее всего. А если и нет, Саламандра... то есть Изабелла Ли наверняка будет знать, кто именно. Она у Шельги на хорошем счету. На Сипанге, можно сказать, фигура номер один!

– Шельга – это который председатель Интернационала и глава какой-то пиратской республики? Я читал доклад по нему, он же из уполномоченных, да?

– Точно! Именно он. Бунты в рабочих кварталах городов Сипанги его рук дело. Вынудил даже правительство пойти на переговоры – анархисты там теперь официальная политическая сила, подмяли под себя профсоюзы, вынудили принять прогрессивное рабочее законодательство.

– Там ещё этот, как его... Усатый человек со страшными глазами. Уткин? – продолжая жевать коку с соусом, уточнил Иван.

– Гусев! – Мой ассистент, оказывается, даже был в курсе дел, настолько далёких от нашей необъятной родины. – Действительно, жуткий тип. Они там надоили кучу денег с жирных котов, и спонсируют дочерние партии по всему миру. К каждой стране индивидуальный подход. Где-то на выборы

идут, где-то берут под контроль улицу, в других местах занимаются диверсиями и саботажем.

– Раубаль на этой волне к власти и пришёл. – Царёв потянулся за стаканом, в котором плескался тинто ди верано – освежающий напиток из вина, содовой, льда и лимона. – Обвинил их в поджоге здания капитула анархистов, вывел на улицы своих сторонников-кнехтов. Люди были напуганы, а наш талантливый художник из Виндобоны – единственный, кто указал на виновника и сделал хоть что-то. Тут анархисты просчитались.

– Просчитались. Алоиза всерьёз никто не воспринимал. – Мы отвлеклись от темы, но кто может быть более интересным собеседником, если речь идёт о глобальной политике, чем правитель одной шестой части мира? – Я тоже, если честно. Ну кто он, в конце концов, такой? Ну да, он из ордена, но кто считает кнехтов за самостоятельную силу? Когда в последний раз кнехт становился великим магистром? Усики ещё эти... Рисует, кстати, неплохо, говорят. И знаете что? Я могу понять его реваншизм и желание изменить условия мира с Альянсом и их союзниками, прекратить выплаты по репарациям, но этот его пункт по поводу финикийцев... Сумасшедший дом. Какая-то детская травма?

Царёв вытер руки салфеткой:

– Вы меня совсем не слушали, шеф. За это его и полюбили тевтоны – он показал им виноватых. Тех, на ком можно выместить горечь поражения, за чей счёт можно пожи-

виться. Анархисты, финикийцы... Скоро он разорвёт мирный договор и примется наращивать армию. Алоиз Раубаль очень опасный человек. Я говорил с дедушкой, и Артур Николаевич считает, что до новой Великой войны осталось лет десять, много – пятнадцать. Протекторат и все, кого они подомнут, против Альянса и Арелата с Руссильоном, возможно, Сипанги. Задача империи – сохранить нейтралитет во всём этом кошмаре. И сделать так, чтобы по Итилю ходили пароходы, а не бурлаки.

– А вы... Хм! Нейтралитет и неучастие в военных союзах, это ведь ваша официальная доктрина. Манифест после коронации и всё такое... – Шестерёнки в моей голове крутились с бешеной скоростью. – И Наталю мы помогали только косвенно, легион – это ведь не танковая армия и не пехотный корпус.

– Да, да, да и многие в правительстве и сенате считали такое моё решение ошибочным. Заключить официальный союз, поддержать Конгрегацию против лаймов и их прихлебателей... Знаете, что президент Грэй месяц назад подал заявку на вступление в Альянс?

– Проклятье, – сказал я. – Как думаете, долго бы продержался нейтралитет империи после того, как всем стало бы известно, что вас убили анархисты? Те самые, которые до этого пытались подорвать изнутри могущество Тевтонского ордена, имеют огромную популярность на Сипанге и чуть ли не официально лобызуются с президентом Грэм? Тем са-

мым Грэм, который месяц назад подал заявку на вступление в Альянс, под крылышко лаймов?

Царёв даже жевать перестал:

– Погодите-ка! – сказал он. – Под таким углом я на всё это и не смотрел.

– Кошмар, правда? – Залпом выпив весь свой тинто ди верано, я встал и одёрнул китель. – Нужно перехватить Изабеллу Ли до концерта. Не одного меня тут играют втёмную.

Глава 7

Товарищ Саламандра

Я и не знал, что в Саркеле так много любителей джаза. Огромная толпа осаждала филармонию, тщетно надеясь пробиться внутрь, хоть одним глазком поглядеть на заморское диво – Изабеллу Ли, золотой голос Сипанги.

Меня не интересовали места в зале, мне нужно было за кулисы, и потому после кафе «Каркассон» мы с Царёвым некоторое время ошивались в скверике у этого храма музыки, выискивая жертву. Она нашлась – тот самый седой деловитый мужичок в потёртом рабочем фартуке, с сигаркой в зубах. Иногда его зовут Петрович, иногда Кузьмич, иногда Николаич, но он совершенно точно имеется в каждом подобном учреждении и является незаменимым специалистом. Там подкрутить, здесь приколотить – филармония рухнет без такого человека.

И обычно такой человек не против подзаработать, тем более, если от этого никому не будет вреда. Ну что плохого может случиться, если он пропустит за кулисы журналиста и фотографа, да ещё и аккредитованного Имперским географическим обществом?

– Только, значицца, в неглиже артисток не фотографировать, и бардак в подсобке тоже, – погрозил он пальцем, пряча купюру в карман и поправляя картуз.

Так что в назначенный час мы с Царёвым просто обогнули всю толпу саркельцев и гостей города у парадного входа и постучали в небольшую дверку цокольного этажа. Прямо в лицо мне вылетело облачко табачного дыма, и хриплый голос произнёс:

– Давайте-давайте, значицца, пока тихо...

Мы прошли в пыльный полумрак закулисья. Как и многие старорежимные постройки, филармония была разгромлена при Ассамблеях, а теперь, при Новой империи, восстановили фасад и зрительный зал. Внутри, там, где не видит публика, всё пребывало в совершенно раздолбанном состоянии. В паркете пола не хватало дощечек, из балок торчали гвозди, одна из труб текла сквозь пропитанную жидким стеклом тряпку в подставленное под неё ржавое ведро.

– Отменно, – сказал я. – Обстановочка у вас...

– Фотографировать не смейте! – погрозил пальцем наш проводник.

– А то что – император увидит? – не сдержался Царёв.

– Ты императора не трожь! – нахмурился театральный работник. – За такое можно и в зубы! Величество, болезный, за нас страдает, а ты...

Брови Ивана поползли вверх, но он ничего не сказал.

– Там гримёрки, у этих дверей ждите, никуда не лезьте до конца выступления. Вон, слышите, она уже орёт, значицца, надрывается, как баба на сносях, Изабелла ваша. Сорок минут надрываться будет, потом уже, может, и уломаете её на

это, как его... Энтервью! Она до денег шибко падкая, значицца, ей мэрия отвалила за концерт многие тыщци!

Как будто он сам до денег был не падкий.

Мы ещё некоторое время шли по коридору и поднимались по винтовой лестнице. Оставив нас у фанерной двери, театральный мастер на все руки скрылся где-то под сценой, что-то починять и подкручивать. Я заглянул в дырку на месте замка и заморгал от неожиданности. Там, в довольно приличном коридоре с зелёной дорожкой, деревянными панелями и целыми люстрами, стоял Мишаня! То есть охранников было двое, но второго я не знал, а Мишаню помнил ещё по Золотому острову. Отпечаталось его лицо в моей памяти – уж больно высокой была та лестница на пути к товарищу Шельге, у подножия которой мы с ним и пересеклись.

Теперь исчезли последние сомнения – Саламандра продолжает работать с анархистами.

– Гроул, – сказал вдруг Иван.

– Что – гроул? – удивился я.

– Вот мужчинка этот сказал, что Ли там на сцене надрывается, как баба на сносях. А это гроул. Джазовый стиль пения. Она вообще большая молодец, талант.

– Ну да. Золотой голос Ассинибойна и всей Сипанги. Утопила целый пассажирский лайнер.

– Однако!

Мы слышали, как безумствует зал – едва смолкали звуки очередной композиции, как народ принимался орать, руко-

плескать и стучать ногами. Это вам не рафинированная публика из кают первого класса. Это имперская провинция! Но стоило раздаться новой барабанной дробью, загудеть контрабасу, а Изабелле Ли взять первые ноты следующей песни, и устанавливалась тишина, чтобы потом снова взорваться бурей аплодисментов.

Кажется, джаз в империи обретёт вторую родину. Или третью? Откуда он вообще родом, с Южного континента или с Сипанги? Вот и Царёв ногой пристукивает в такт!

Наконец, концерт окончился. Долго кричали «Бис!» и хлопали, но музыканты один за другим покидали сцену и заходили в коридор с зелёной дорожкой, тут же меняясь в лице, теряя улыбки, ссутуливаясь, сбрасывая сценическую одежду и вваливаясь в свои гримёрки. Последней отпустили Изабеллу. Мадам Ли, как всегда элегантная и великолепная, прошествовала к своей гримёрке походкой королевы.

– Бурбон с содовой, Мишель! – проговорила она на лаймиш со своим неподражаемым креольским выговором. – Мне нужно четверть часа, и убираемся отсюда. Они меня выпили досуха.

В этот момент я толкнул дверь и появился в коридоре.

– Вы?! – Глаза Изабеллы Ли округлились, она схватилась за сердце. – Но как?

– Нам нужно поговорить, товарищ Саламандра.

– Тш-ш-ш! – Она дёрнулась. – Не смейте! Не здесь.

– А то что? – уточнил я, сунув руку в карман.

Дверь за моей спиной снова скрипнула, и появился Царёв.

– Погодите, но как... Не говорите только, что это... Не может быть, не может быть! – Певица замахала руками, как будто пытаясь отогнать рой мух. Однако ей удалось быстро справиться с замешательством. – Немедленно ко мне в гримёрку! Мишель! Прикажите подогнать автомобиль к задней двери.

– Там под сценой есть удобный проход, неприметный. Ведёт как раз к внутреннему дворику филармонии. Мишань, метнись, глянь – прямо в дверцу, откуда мы появились, потом направо. В балке гвозди, не расшиби башку, – сказал я. – Машину там вроде поставить можно.

Мишаня очумело посмотрел сначала на меня, потом на товарища Саламандру, дождался кивка и убежал. Изабелла открыла дверь в гримёрку, пропустила нас внутрь и грациозно устроилась в кресле.

– Ну, убивать вы меня не будете, по всей видимости, – проговорила она.

Всё-таки эта женщина была чертовски красива, несмотря на возраст. И в выдержке ей не откажешь – пережила она столько, что на десять жизней хватит.

– А вас и так убьют, мадам Ли. – Я уселся на диванчик, Царёв по своему обыкновению осваивал подоконник узенького витражного окошка. – И без нашего участия. Неужели вы думаете, что покушение на императора анархистам спустят с рук? Лежит бедный в больнице, страдает.

Товарищ Саламандра смотрела во все глаза на Ивана, а тот как ни в чём ни бывало взобрался на подоконник и болтал ногами.

– Но мы не...

– Да-да, вы не взрывали дворец. Но кому теперь до этого есть дело? То есть пока ещё ищейки только-только встали на ваш след. Каюсь, грешен, я дал им наводку сразу, как только увидел вашу афишу на столбе для объявлений. Концерт накануне покушения, а? Как думаете, когда контора возьмёт за жабры ваших музыкантов и того же Мишаню, сколько из них окажутся замазанными в тёмных делишках? На кого повесят всех собак?

– Проклятье! – Изабелла взяла с трюмо сумочку и, напав там сигареты, закурила. – Нас подставили? И кто же это?

– А кто определял даты ваших концертов? – спросил вдруг Царёв. – Этот человек или кто-то из его окружения совершенно точно имеет контакт с взорвавшимися дворец.

Зрачки товарища Саламандры сузились, она внезапно стала похожа на анаконду перед броском.

– Ганцвайх! Какая, однако, свинья! И что теперь делать? Бежать? Прерывать гастроли и переходить на нелегальное положение? – Она снова затянулась едким дымом. – Вообще не понимаю, почему вы пришли сюда и со мной разговариваете? Мне кажется, я схожу с ума – у меня в комнате сидит мертвец, погибший несколько месяцев назад, и пациент придворной клиники, который должен находиться там в

стабильно тяжёлом состоянии. А я ведь знала, что вы живы! Мне не показалось тогда, на Золотом острове, и потом, в Ассинибойне, но... Да и вообще, какого чёрта сам и...

– Иван Васильевич Царёв, – перебил её Царёв. – Ассистент доктора антропологии Сергея Бозкуртовича Волкова.

– Чертовщина... Ну ладно, сам Иван Васильевич приходит в мою гримёрку, болтает ногами и рассматривает витражи! Сумасшедшая страна! Мы ведь с вами враги, да?

– Почему это враги? – спросил болтающий ногами Иван Васильевич. – Вы ведь не убивали имперских граждан, не устраивали терактов и вообще не преступали законов империи. Я имею в виду – после окончания гражданской войны. Ваши молодчики пока что орудуют смычками и дудками, а не винтовками и бомбами, так что наши разногласия имеют скорее философскую, чем реальную подоплёку.

– Но «Голиаф»...

Я только отмахнулся:

– Старые счёты оставим на потом. Сейчас мы в одной лодке. И можем помочь друг другу.

– И как же?

– Я могу дать вам контакт человека, который занимается следствием по взрыву дворца. Можете слить ему Ганцвайха, Шельгу, кого угодно – к вам приставят охрану, наблюдение, но гастроли закончить вы сможете и покинуть страну тоже. Не кривитесь – сотрудничество с конторой сейчас для вас меньшее зло. Если я правильно понимаю, мы в шаге от того,

чтобы отношения между империей и Протекторатом из благожелательного нейтралитета плавно перетекли в союзнические на фоне общей ненависти к анархистам и тем, кто их спонсирует. Оно вам надо?

– Откуда у вас такие полномочия? – Удивление мадам Ли мигом сошло на нет, она осеклась, глядя на улыбающегося Царёва. – Ладно, что вы потребуете взамен?

– Вы говорили про нелегальное положение. Нам будет нужна помощь в скрытном перемещении по империи. Яшма, Эвксина, Каф...

– Чёрт с вами, – махнула она рукой. – Пускай Гусев разбирается. Если Ганцвайх действительно провокатор, Альоша узнает, на кого он работает, и свинье не поздоровится. А с вами... Я остановилась в «Виоле», завтракать буду в «Каркассоне», тут недалеко. Если на мне будет красное платье, значит, Гусев вашу идею одобрил и мы будем сотрудничать. Если надену что угодно другое или портье вам скажет, что я съехала, не обессудьте, тогда мы всё же враги.

– Не обессудьте? – Царёв провёл руками по стриженной голове и проговорил спокойным тоном: – Нет уж, это вы тогда не обессудьте. Погибли сорок человек, которые вверили мне свою честь, жизнь и душу. Лицо каждого из них стоит у меня перед глазами! Я прекрасно знаю, из каких они семей, что любили и чего не переносили. Это были прекрасные люди. И тех, кто виновен в их гибели, ждёт страшная кара. А тем, кто попробует встать на моём пути и помешать возмездию,

лучше бы и вовсе не родиться на свет.

Тихий голос императора заполнил собой всю комнатку и, кажется, проникал в самую душу. Его глаза метали громы и молнии, и на подоконнике он выглядел не менее царственно, чем на золотом троне.

– Пойдёмте, шеф, – сказал он. – Здесь у нас не будет проблем.

Я никогда не видел несгибаемую Саламандру в таком жалком виде. Она вся сжалась в своём кресле, судорожно припав губами к сигарете, и провожала нас немигающим испуганным взглядом.

* * *

В номерах нас ждала открытая крышка сундука, грязные следы на полу и подоконнике и беспорядок. Граната лежала на месте, ни одна из вещей не пропала. Кажется, гости заглянули к нам в комнату, открыли сундук, осознали прозрачный намёк и ушли.

– Кто-то среди бела дня шарит по вещам постояльцев? – удивился Иван. – В самом центре империи? Послушайте, шеф...

– Мы этого так не оставим, – кивнул я.

Хотя портье нас и предупреждал о чём-то подобном, но одно дело – слышать, а другое – стать непосредственным свидетелем такой неслыханной наглости и самоуверенности.

Мы спустились вниз, остановившись лишь раз. В одном из номеров явно шла пирушка, оттуда слышались громкие голоса, музыка из патефона и женские визги. В какой-то момент мне показалось, что раздались звуки ударов, поэтому мы и сбавили ход, но потом шум вернулся к прежнему уровню, и мы спустились по лестнице к стойке.

– Я говорил им, что к вам соваться не нужно, но... – Юноша шмыгнул носом. Под глазом у него расплзался внушительный лиловый бланш.

– И сколько этих «их»? И чьих они будут?

– Известно чьих... Тут все деловые под Вассером ходят. Почитай от Саркела до Биляра его вотчина. Хорошо, к нам редко забредают.

– Так сколько их? – надавил я.

– Четверо. Душегубы! – Он как-то по-особому глянул в сторону лестницы.

По ступеням простучали босые ноги, растрёпанная девушка с размазанной по лицу яркой косметикой пробежала мимо нас, удерживая обрывки платья и глотая слёзы. Мы с Царёвым переглянулись. Эти душегубы что, жили прямо тут? Это они устроили бардак там, за дверью?

Иван коротко кивнул, мол, понял, справимся.

– Ты вот что, парень... Скажи им, что мы из ювелирного вернулись и хвастались, мол, девкам своим цацек накупили. И вот что у меня из кармана выпало. – Я катнул к нему по стойке серебряную монету.

– Но они же тогда вас убивать придут! – выдохнул он. – А мне потом номер отмывай...

– Отмывать придётся, это да. – Я щелчком пальца отправил к нему вторую монету. – Справишься?

Мы поняли друг друга без слов. Иван пройти мимо просто не мог – в конце концов, он был здесь хозяином и терпеть какого-то Вассера, который считает часть империи своей вотчиной, не собирался. И тем более не собирался терпеть, что кто-то может просто прийти в номер, прикончить двух путешественников и забрать их вещи, а потом отправиться в соседнюю комнату пьянствовать. Ну и девушка... Похоже, у него начинал формироваться пунктик по этому поводу.

Я же... Не знаю. Не за то мы воевали, чтобы всякие Вассеры вольготно тут себя чувствовали. Я рубился в Натале, чтобы гемайны могли спокойно жить и работать, а здесь, под носом, какие-то сукины дети считают себя выше императора и Бога и ничего не боятся. Дашь слабину в малом, потом на шею сядут. Вообще, странно, что их ещё не перестреляли, этих Вассеров. Проблемы роста? Руки не дошли? Может быть.

– Вернёмся в Аркаим – займёмся, – мрачно сказал Царёв, когда мы готовились к ночной схватке. – Артур Николаевич, конечно, в своё время правильно сделал, когда лоялистов по уголовному законодательству судил, не отступая от буквы и духа закона. Соблюдали процедуру дотошно, судили всех! В рамках гражданской войны это было хорошее ре-

шение, многих на нашу сторону поставило. Но сейчас у нас мир, и с преступностью пора заканчивать, даже если букву закона придётся отодвинуть в сторону. В конце концов, издам манифест. Император я или нет?

– Эскадроны смерти, – сказал я. – Набрать фронтовиков, приодеть, снабдить деньгами и оружием и отправить по городам и весям. Ловля на живца. За год всю погань выведем.

– Вот сейчас мы это и обкатаем, – решительно кивнул он. – Эскадроны смерти... Мне нравится!

* * *

Они проникли в номер сразу с двух сторон – трое через дверь и один в окно. Ни замки, ни засов надолго их не задержали. Душегубы молча кинулись потрошить наши спящие, закутанные в одеяла тела, по-каторжански нанося множество коротких колющих ударов стилетами. Царёв открыл огонь из-под кровати, продырявив двоим налётчикам ноги выстрелами в упор из «Бульдога», а я выскочил из сундука, где сидел скорчившись всё это время, как более худощавый из нас, и выпустил весь барабан в тех, кто остался стоять на ногах.

Их тела, изрешечённые пулями, валялись на полу в лужах крови. Наша одежда, которую мы использовали для создания обманок, была безнадёжно испорчена.

Иван вылез из-под кровати, весь в крови. Его слегка по-

тряхивало.

– Гады, – сказал он. – Я даже лоялистов не убивал. А этих не жалко. Гады! И одеться не во что.

– Пойдём, – усмехнулся я, перезаряжая револьвер. – Я знаю, где раздобыть одежду, деньги и оружие. Воспользуемся хорошо известным принципом наших идеологических оппонентов.

– Это каким же?

– Грабь награбленное!

Может быть, я очерствел, но никаких особенных эмоций не испытывал, когда стрелял в голову каждому из них, по очереди.

Глава 8

Нелегальное положение

Эти двое стояли друг напротив друга и играли в гляделки – старый революционер и молодой император. Гусев, страшный, большой, с безумными глазами и встопорщенными усами, и надежда наша и опора, Царёв, в свободной позе, чуть отставив ногу. Он смотрел на Алексея Ивановича взглядом прямым и ясным. Тот покачал головой:

– Никогда не думал, что вот так, лицом к лицу... Ей-богу, на улице не узнал бы, больно вид у вас лихой. Я б такого молодца в эскадрон взял! И не скажешь, что белая кость.

– А я бы вас узнал, – усмехнулся Иван. – Вся наша пышная публика Гусева наравне с чёртом поминает, вы для них даже хуже Новодворского.

– Новодворский теоретик, я практик, – ощерился Гусев. – А публика ваша... Мало их стреляли и за ноги вешали, пышных этих.

– Этих – мало. Зато тех, кого не следовало, даже слишком, – задумчиво проговорил Царёв.

Я всё думал, сцепятся они по-настоящему или нет? Революционная практика и консервативная романтика – две великие силы, воплощённые в своих великолепных аватарах, сошлись здесь, в этой точке, и теперь нужно было понять, смогут ли они сотрудничать против двух других движущих

сил мировой истории – тайной ложи и явной лажи?

Лезет же всякая дрянь в голову! Я помассировал виски и сказал:

– Всё, господа. Довольно. Сейчас мы нужны друг другу. Алексей Иванович, вы поклянётесь, что ваша миссия в империи не несёт непосредственной угрозы подданным его величества, а вы, Иван Васильевич, дадите слово, что не станете повергать наземь всех встреченных анархистов. Господа, по большому счёту, на данном этапе наши позиции совпадают. Нам нужен нейтралитет, устойчивое развитие, порядок и процветание, и никаких великих войн, хотя бы в ближайшей перспективе, так? – Дождавшись кивка от Царёва, я продолжил: – А вам, в смысле Интернационалу, нужна база, где можно отсидеться, зализать раны, восстановить силы для борьбы с Раубалем на территории Протектората, так?

Гусев, стиснув зубы, кивнул:

– Никакого мира с орденскими ублюдками. Их власть держалась на простом общественном договоре, безопасность в обмен на покорность. Народы, принимавшие Протекторат, могли не содержать армию, их не касались войны и треволнения внешнего мира, этим занимались братья-рыцари и кнехты. А теперь... Теперь Протекторат проиграл войну, и люди платят репарации из своих карманов. Платят за ошибки комтуров и великого магистра. Мы раскрыли им глаза на это, и пруссы, сорбы, кимвры, жемайты и латгалы, и даже тевтоны начали расправлять плечи и грозно спрашивать рыцарство и

комтуров: доколе?! Народный гнев выплеснулся на улицы.

Я перебил его довольно бесцеремонно:

– А потом Раубаль вас поимел. Поджёг капитул, подсунул туда несколько накурившихся опиумом товарищей и спустил с цепи своих ветеранов. «Железный шлем», да? «Айзенхут»? Народный гнев утопили в крови, вышедших на улицу объявили предателями. А самого Алоиза – спасителем Протектората. Господи, да его выбрали великим магистром демократи-чес-ки! Все представители от земель на гроссландтаге орали «Ордо юбер аллес» хором и в унисон! Вы стали тем пугалом, против которого сплотились люди. Вы и финикийцы. Многовато их оказалось среди ваших товарищей.

Гусев скрипел зубами.

– Мы ещё не закончили в Протекторате.

– Слышишь, Иван Васильевич? Они ещё не закончили. И в наших интересах, чтобы и не заканчивали.

– Поддерживать анархистов? – вскинулся Царёв. – Может, лучше сразу протянуть змее руку, чтобы она в неё вцепилась? Да на них клейма негде ставить!

– Змеиный яд в малых дозах помогает от радикулита и остеохондроза, – заметил я. – Нашим «пышным» порой не хватает гибкости, а? Иметь такое пугало... Я не прошу вас легализовать партию анархистов в империи, но, допустим, просто прикрыть глаза на создание особого госпиталя, гостиницы, базы отдыха, нескольких складских помещений, скажем, на Свальбарде... Сарыч и Дыбенко точно с ними

сладят, а?

Гусев стал слушать со всё возрастающим интересом. Когда я говорил про Раубаля и про то, как этот виндобонский художник с манерами истероида спровоцировал и поймел протекторатских анархистов, Алексей Иванович покрылся красными пятнами, но под конец моей речи, после упоминания о Свальбарде и Дыбенке, заметно переменялся в лице.

– С Дыбенкой можно делать дела, – согласился он. – Чтобы вы понимали, я не предаю революцию. Но заключить союз с чёртом против дьявола – это можно, это всегда пожалуйста.

В этот момент в комнату вошла Изабелла Ли. Обшарпанное помещение заброшенного цеха завода в саркельской промзоне как будто посетило закатное солнце: великолепная креолка в своём ярко-красном платье, рубиновом колье в золотой оправе, с которым отлично гармонировали такие же кольца и серьги, казалась существом фантастическим.

– Альоша, – сказала фантастическое существо. – Сэндвичи с огурцами и мятный чай!

И, сверкая рубинами, внесла облупленный поднос со старым фарфоровым чайником и четырьмя чашками. Две из них были без ручек.

– Да-да-да, Беллочка, ставь сюда. – Гусев смахнул своей мозолистой ладонью крошки кирпича со стопки строительных поддонов, постелил газету и отступил в сторону.

Я в последний момент успел выдернуть прессу из-под под-

носа:

– Мы тут с вами устроили бурю в стакане, а в мире удивительные вещи происходят!

– Ну-ка, ну-ка. – Иван заглянул через плечо. – Какое ещё Финикийское государство? Шеф, дайте почитать!

Сэндвичи оказались обычными бутербродами, но весьма и весьма неплохими. Помимо огурцов в их состав входила копчёная свиная грудинка, сливочное масло, твёрдый сыр и свежий пшеничный хлеб. Чай тоже был выше всяких похвал, хотя самого чая там и не было – мята, мелисса и, кажется, липа и чабрец.

– Тут такой чудесный... Хани? Миот? Мёд! – Имперские слова Изабелла иногда подбирала с трудом, хотя в целом её успехи в изучении языка были феноменальными. – Я принесу!

Мы втроем отдавали должное сэндвичам, Иван, активно работая челюстями, взял в руки газету и, встряхнув её, прочёл:

– Финикийская диаспора Протектората объявила о начале сбора средств на организацию экспедиции в Левант, с целью подготовки лагерей для переселенцев. На фоне участвовавших погромов и случаев неприкрытой дискриминации национальных меньшинств во владениях Тевтонского ордена вернуться на землю предков по предварительным оценкам уже изъявили желание не менее ста двадцати тысяч семей. Финикийские общины Сипанги, Федерации и Альянса гото-

вы присоединиться к проекту, если великие державы продемонстрируют готовность к диалогу с государством Финикия, в случае если оно будет создано. В первую очередь лидеров движения за репатриацию интересуют взаимовыгодные торговые отношения, в частности поставки продовольствия, медикаментов, оружия и товаров первой необходимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.